

Судьба по наследству

Аглая Отрада

16+

Аглая Отрада
Судьба по наследству

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Отрада А.

Судьба по наследству / А. Отрада — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Что может быть страшней для молодой современной девушки, чем повторить судьбу бабки - ведьмы?! Только обреченная на разлуку любовь – ведь избранник носит обручалку. Но он вытаскивает ее из тайного притона извращенцев, куда она попала, стремясь спасти доверчивых глупышек. Он считает, что не вправе давать волю чувствам, но она спасает его от смерти. Может это так жизнь им доказывает, что они созданы друг для друга?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	39
Глава 11	42
Глава 12	44
Глава 13	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Пролог

Кто счастье получил на блюде
И по наследству радость и успех,
Тот не увидит чуда в чуде,
Любви захочет... только без помех.
Кого Судьба совсем не баловала,
Тот за любимым в ад готов сойти
И, ошибаясь, опять начать сначала,
И в сотый раз готов сказать: «Прости!»
(Злата)

– Анечка, как же ты меня напугала! Мне ни разу в жизни не было так страшно, – с трудом оторвавшись от ее губ, тяжело дыша, прошептал Яр. От волнения он даже не заметил, что без согласования перешел на «ты». – Сумасшедшая спасительница! Как же такая глупость могла прийти в твою хорошенькую головку?!

– Наверно, места много было пустого, – виновато ответила девушка, робко прижимаясь к Ярославу, обнимая его руками и не веря в происходящее.

Она была потрясена этим поцелуем. Ничего в мире не было такого, что могло бы с ним сравниться. Ей показалось, что губы Яра поработили ее, заставили забыть обо всем. Волна безумного блаженства растеклась по телу, делая его придатком, частью этого мужчины, в котором хотелось раствориться без остатка, как шипучий аспирин в воде. Его сильные руки без слов говорили о желании. Ей стало жарко, и этот жар так стремительно разливался по телу, что все мысли куда-то испарились, будто капли влаги под палящим солнцем. «Не хочу о ни о чем думать!»

А Звягин, справившись с первой волной эмоций, осознал, что зашел слишком далеко. Но выпустить из своих объятий доверчиво прильнувшую к нему девушку не было никаких сил. Взяв ее лицо руками, он с тоской посмотрел в ее глаза и, секунду поколебавшись, снова поцеловал в губы. Этот поцелуй был коротким, крепким, с горькими нотками прощания. Все, что в нем бушевало за прошедшие недели, он вложил в него.

Привычным уже жестом Яр прижал голову девушки одной рукой к своей груди, вдыхая запах ее волос, другой нежно гладил по спине, словно запоминая ее изгибы, ее тепло. Откуда взялось это «ты»? Ну да! Было бы странно впиться в губы девушки самым нецеломудренным поцелуем, чуть ли не лишив ее тем самым невинности, и при этом обратиться к ней на «Вы». Ну вот после этого пусть хоть гневается, хоть обижается. Но теперь ни он, ни она эти минуты не забудут.

– Нам нужно продержаться еще один час и сорок минут. Да, я здесь в роли клиента, забыл тебе сообщить. – И почувствовав, как Анна дернулась от этих слов, успокаивающе поцеловал в лоб. – Нам нужно спуститься в преисподнюю, так я понимаю это место. Если мы этого не сделаем, боюсь, помощь извне нам уже не понадобится. Итак, я тебя отпускаю, а ты покорно, не поднимая головы, следуешь за мной.

Яр опасался не справиться с эмоциями, которые бушевали в нем. Как же мерзко было сейчас натягивать маску морального урода! Но он вспомнил Штирлица, который в кафе встречался со своей женой. Как ему было тяжело после долгой разлуки ни единым жестом не выдать волнения! Лишь несколько минут посмотрели друг на друга, но глаза сказали все. Хороший пример всегда кстати. И несколько раз вдохнув и выдохнув, он резко распахнул дверь.

Он не ошибся, полагая, что распорядитель стоял под дверью. И если бы она открывалась наружу, то точно получил бы весомый удар. А сейчас он просто испуганно отпрыгнул. Звягин усмехнулся.

– Вот теперь можете предложить свои услуги. Рулетка меня не подвела. Где тут номера? – неучтиво спросил он.

– Прошу вас, – администратор подобострастно показал рукой направление и добавил, – я вас провожу. Вам удобно идти за мной?

– Не суетись, веди, – по-барски покровительственно, произнес Звягин. Анна хотела вцепиться в его руку, ей было так страшно, что ноги буквально подкашивались.

Но нельзя было ни единым взглядом или жестом выдать свое состояние. Хорошо, хоть Пудик чинно семенил рядом с ней, успокаивая своим невозмутимым видом. Девушка очередной раз удивилась, насколько песик был сообразительным. Он тоже старательно делал вид, что не знает Анну. И это при его повышенной собачьей эмоциональности!

Когда они только вошли к ней в комнату, он не кинулся ее облизывать, не стал лаять. И лишь когда она взглянула на него – легонько приветливо застучал хвостом. Несмотря на страх, девушка умилилась: недаром говорят, что животные становятся похожи на своих хозяев. Ярослав – умница, и Пудик непревзойденный умница. Звягин вжился, как актер, в роль клиента этого зловещего притона, и Пудик делает вид, что все ему привычно. Невероятно!

За своими размышлениями она не заметила, как они спустились в подzemелье. Огромный бассейн посреди холла не производил приятного впечатления. Наоборот, он напоминал какой-то зловещий омут, на дне которого красовалась искусно выложенная мозаикой Русалочка. Только она была связана веревками.

Мерзкий толстяк, с бегающими, как мыши, масляными глазками, сопровождавший их, остановился перед второй по счету дверью и гостеприимно распахнул ее, слегка наклонив голову в знак почтения. Анна вздрогнула от неожиданности, а открывшийся вид помещения едва не лишил ее сил. И было отчего!

Кроваво-красные стены со множеством прикрепленных к ним каких-то адских приспособлений, с канделябрами и электрическими свечами, картины со сценами насилия наглядно показывали, что это был не просто бордель, как она себе наивно представляла. Плетки, кнуты, какие-то распорки, козлы с петлями, очевидно для фиксации рук и ног. Анна только сейчас осознала, что значит по-настоящему испугаться. До нее дошло, что значили слова Антона о следах насилия на телах девушек. Что было бы, если бы к ней вошел не Яр, а настоящий любитель всего этого?! Анна побледнела, зрачки расширились, голова закружилась, и она потихоньку начала сползать по стеночке.

Однако Яр не дал ей этого сделать, подхватив на руки.

– Анна!!! Ты что это надумала?! – зашипел он.

– Я..я.. я ...это так страшно, мерзко, гадко, – Анна не могла связно высказать все, что на нее нахлынуло.

Яр усадил ее на кровать, а сам опустился рядом с ней на пол, чтобы видеть любимое лицо. Он взял ее руки в свои и, будто убаюкивая, тихо произнес:

– Маленькая моя, глупая девочка! Я не буду читать тебе нотаций, сама видишь, куда завело тебя кошачье любопытство и ни на чем не основанная уверенность, что ты можешь кого-то спасти. Как и не могу убрать этот извращенческий антураж. Если бы я мог въехать сюда на бронетранспортере, я бы, разумеется, сразу тебя в него запихнул и увез бы. Но Range Rover друга – это не того класса транспортное средство. Закрой глаза. Я рядом.

– Я не могу с закрытыми глазами сидеть, мне страшно, – прошептала она.

– Ну ты право, как ребенок! Бросься очертя голову в логово преступников тебе было не страшно, а теперь под нашей с Пудиком защитой ей страшно! – укоризненно сказал Яр. – Иди сюда.

С этими словами он сел сам на кровать и усадил Анну, как маленькую, на колени, глядя ей по голове. Она выглядела такой растерянной, трогательно беззащитной, что у него заныло сердце. Сейчас, когда дело сделано на девяносто процентов, он успокоился и подумал, что надо бы ей всыпать хорошенько по первое число, но духу не хватало даже легонько пожурить.

– Можешь спрятать лицо у меня на груди, можешь сопеть мне в ухо, как тебе будет удобно.

Анна благодарно на него взглянула. Его зеленые глаза светились добротой и, ей показалось, нежностью. И не давая себе труда оценить правильность своего поведения или неправильность, она уткнулась носом в его шею. Перенесенный стресс напрочь отключил здравый смысл, и Анна жила сейчас только чувствами и эмоциями.

Вдыхая запах Яра, она будто погрузилась в блаженную невесомость. Все вопросы, которые, как назойливые мухи, пытались испортить этот прекрасный момент, она решительно отгоняла. В конце концов, в жизни у нее было не так уж много счастливых минут. Это просто волшебство – оказаться в надежных руках лучшего из мужчин. Когда не нужно ничего решать, когда можно почувствовать себя маленькой девочкой, защищенной. Ведь самое важное состояние для женщины – защищенность – ей доселе было неведомо. Да и сейчас это было лишь иллюзией.

Она всегда все решала сама, потому что надеяться было не на кого. Наоборот, ей нужно было заботиться о бабуле. И она должна была быть сильной.

А как же ей хотелось быть слабой, чтобы ее вот так опекали, чтобы баловали! Никогда за все двадцать два сознательных года жизни Анна не испытывала таких острых приступов жалости к себе, как за эти несколько недель знакомства с Ярославом. Может, действительно, она полезла в этот капкан в надежде, что ее будет искать Он. И тут же отогнала эту мысль. Она просто хотела помочь. Да и с какой стати он бы стал ее искать? Но стал же?! Наверно, Антон попросил. Иначе, зачем бы она ему сдалась?!

И опять уже который раз за последнее время внутренний ребенок потребовал крохотку счастья. И ему было все равно, что счастье было мимолетным, и более того – краденым. Предательские слезинки наполнили глаза.

Она моргнула, и ее длинные ресницы коснулись кожи Яра. От неожиданной и никогда ранее не испытанной ласки он едва не задохнулся. Проглотив ком, подступивший к горлу, он слегка прижал ее к себе, усилием воли подавляя желание впиться в губы этой маленькой стрекозы, повторить тот первый головокружительный поцелуй, который останется в памяти на всю жизнь. Яр предельно отчетливо осознавал, что это поцелуй, который всколыхнул не только тело, но и душу, останется единственным.

Говорить о чем-либо они не могли – слишком много произошло такого, что невозможно было предугадать, и о чем втайне даже и мечтать не могли.

Теория относительности в примерах. На раскаленной сковородке минута покажется вечностью, а я рядом с дорогим человеком – вечность покажется минутой.

– Ярослав Платоныч, а как вы меня нашли? – Анна задала вполне резонный вопрос. Хотя на самом деле ее интересовал сейчас вопрос не как, а почему? Почему он помчался ее искать, бросив работу?

Глава 1

Звягин собирался повернуть к своей гостинице, как вдруг Пудинг, словно обезумевший, с громким лаем кинулся в противоположную сторону. Обернувшись, Ярослав, или Яр, как его называли близкие, увидел, что трое злобных одичавших псов оттесняют к забору девушку, а его храбрый спаниель, яростно оскалившись, вклинился между ними.

Мужчина поспешил на помощь. Под его тяжелым взглядом эти люмпены собачьего мира с глухим порывиванием удалились.

Едва отойдя от испуга, девушка подняла взгляд на второго спасителя. Глаза ее буквально округлились от удивления, смущения, радости узнавания или всего этого вместе взятого. Она разволновалась, и, не замечая, что делает, принялась тереть локон, выбившийся из ее пушистой косы.

– А вы меня второй раз спасаете! – и лицо ее покрылось красными пятнами, дышать стало трудно, и ей пришлось глубоко вдохнуть, чтобы продолжить. Ведь не поблагодарить этого мужчину было бы верхом неприличия. Но и сделать это было трудно. Продолжая пылать, как маков цвет, она почувствовала, как сердце учащенно забилось и в горло будто крахмала кто напихал – этот мужчина ей очень нравился. Они ехали из Москвы в одном поезде. И она обратила на него внимание еще на первой станции. А уж на второй!

И тут все трое, словно подключившись к единому информационному полю, вспомнили об этой остановке...

Звягин, как всегда, вышел покурить, пройтись, Пудинг – тоже подышать свежим воздухом.

Не успели они отойти от тесноты купе и размять ноги, как пес интуитивно почуял неладное. Он обернулся к вагону. Прелестное создание, которым Ярослав Платоныч залюбовался, (наивно думая, что незаметно) еще на предыдущей станции, тоже решило прогуляться по перрону. Однако, выходя из тамбура, девушка потеряла равновесие. Непростительное легкомыслие позволило ей не застегнуть босоножки, и теперь одна пряжка с размаху угодила в дырку в ступеньке. Пудик встревоженно твякнул, и Звягин, молниеносно среагировав, как опытный голкипер, поймал оступившуюся девушку на руки чуть ли не возле земли. И поскольку времени на раздумья и выбор техники принятия падающего тела у него не было, то оказалось, что юная красавица угодила одной грудью прямо в ладонь спасителя, а вторая его рука подхватила ее голые ноги.

Чтобы осознать неловкость ситуации, всем понадобилось некоторое время.

– Держитесь за меня, сейчас я достану вашу обувь.

Видавшему виды Яру передалось смущение девушки, которая покраснела, как вареный рак и не могла вымолвить ни слова.

А Пудинг, наблюдавший эту картину, от души порадовался, что они живут в России. В штатах, где ему приходилось бывать в прошлой жизни, Звягину запросто могли бы впаять иск за домогательства.

По логике американцев, он должен был сначала метнуться в соседний вагон, поскольку вход в свой был занят, попросить разрешения у проводника взять одеяло и только после этого принимать в свои объятия девушку.

Нет, Ярослав Платоныч, безусловно, Супермен, но отнюдь не Бетмэн, который может в мгновение ока менять свое местоположение. И как результат, красавица уже припечатала бы свое нежное личико к перрону. Бррр.

А что, за океаном люди улыбаются, показывая какой хороший у них дантист, и тут же сделают пакость. Когда он с семьей Кравченко (по-другому Пудинг не называл своих бывших хозяев) жили во Флориде, их пригласили на пикник. Собрались все соседи, принесли разные

вкусоности, радушно восклицали: «Окей! Окей!», а после праздника стали разбирать остатки пиршества по домам. И когда жена Кравченко через час не вернула соседскую полупластиковую тарелку, они вызвали полицию и сделали заявление. И тут же стояли и заверяли, что ничего страшного не произошло. У них снова все «Окей!»

С тех пор Пудик недолюбливал все, что имело отношение к звездно-полосатым. Он еще раз убедился, что горячо любит свою Родину.

Хотя и у нас бывает такое, что спасителю потом приходится доказывать, что он не верблюд, но все же здравого смысла у нас больше. Тут мозг спаниеля переключился на другое, и он подумал, что после такого пассажи Хозяин, как честный человек, должен на этой прелестнице жениться.

Однако девушка не разделяла мыслей спаниеля, поэтому получив освобожденную босоножку, быстренько ее надела, и не смея от стыда поднять глаза, пробормотала:

– Я вам очень благодарна.

И забыв, что она собиралась купить мороженого, мышкой шмыгнула обратно в вагон.

Звягин усмехнулся, отошел от поезда подальше и закурил. Еще работая в полиции, он частенько спасал людей, но вот чтобы так пикантно...

Рука до сих пор восторженно хранила воспоминания об упругой девичьей прелести, так неожиданно-негаданно оказавшейся в ней. Надо же, и как отлично вписалась! И расшалившееся воображение дорисовало то, чего он не мог себе позволить – слегка сжать пальцы...

Яр поймал укоризненный взгляд Пудинга. Можно подумать, будто он прочитал его мысли! Тоже мне, полиция нравов... А девушка, конечно, безумно хороша. Причем не эталонной холодной красотой, а естественной, словно освещенной изнутри. И фигурка отличная. Идеальные стройные ножки, к которым он тоже безнаказанно прикоснулся.

Заметил Яр ее еще на вокзале в Москве. Он стоял у киоска, собираясь купить газету, и тут мимо него пронесся маленький, грохочущий колесиками чемодана ураган. Доставая из небольшого рюкзака билет и паспорт, она умудрилась уронить телефон. В мгновение ока нагнулась за ним на прямых ногах (даже не дав себе труда задуматься, какой всплеск гормонов вызовет у всех представителей мужского пола.), так что кто это видел, забыли как дышать. Длинные красивые ноги, обутые в босоножки на толстой подошве, с невероятными пряжками, были открыты благодаря белым шортам и сами по себе приковывали внимание, а уж в таком ракурсе и подавно. Как пружинка, так же молниеносно она разогнулась, оставив наблюдавших за ней гадать – то ли они видели что-то на самом деле, то ли померещилось, – затолкала обратно в рюкзачок отданные проводником документы и легче птички впорхнула в вагон.

«Какое чудное мгновенье», – философски подумал Звягин. Грация, бьющая через край энергия, идеальное сложение... и самое главное, что вообще не укладывалось в голове – невероятно толстая и длинная коса. Девчонка никак не походила на барышню, напитавшуюся по самые уши какой-нибудь ведической литературой. Супер-современная... и такой потрясающий анахронизм на голове. Интересно, а если расплести эту косу... это какой же водопад из локонов получится! Ему никогда в жизни не приходилось касаться таких волос. Вот. Теперь список желаний, который составляет каждый периодически задумывающийся о своей жизни человек, пополнился еще одним, точно неисполнимым желанием.

Яр сам удивился, куда это его понесло...

И теперь самым невероятным образом они встретились опять. Звягин никогда не верил в случайность. Он считал, что любая случайность – это результат закономерности. Сейчас же его логичный ум никак не находил объяснения, почему эта юная красавица снова встретилась на его пути. Правда, из вагона он вышел быстро – у него было первое купе. И не оглядываясь, впрыгнул в такси, поэтому и не увидел, как из вагона вышла на этой же станции и она. Случайно ли они ехали вместе?

И сейчас они опять, получается, ее спасли.

Совладав с волнением, девушка отвлекла Яра от размышлений.

– Огромное вам спасибо. Никогда у нас не было случаев, чтобы собаки пытались ограбить человека. Наверно, колбаса в пакете их привлекла. И отдельное спасибо моему отважному спасителю. Это ж надо, они в два раза больше него, а он так бесстрашно бросился на помощь беззащитной девушке! Просто рыцарь! – С этими словами девушка присела и ласково начала гладить собаку, внутренне радуясь, что так может не смотреть в глаза хозяину четвероногого храбреца.

У Пудинга, очень редко испытывавшего такое удовольствие, как поглаживание, перехватило дыхание. От блаженства закрыв глаза, он припал брюхом к земле, начал взметать пыль хвостом и радостно поскуливать.

– Пудик, ну пойдем уже. Поблагодарили тебя и хватит.

Не веря своим ушам, пес впал в отчаяние. Неужели он вот так сейчас уйдет и не познакомится с этим очаровательным созданием?! Да она же совершенство! Красивая, ласковая! Именно о такой подруге для своего Хозяина и мечтал Пудик. И тем более они спасают ее во второй раз. Это же не просто так! Надо что-то делать! Придется брать все в свои руки, вернее лапы.

И забыв, что он представитель благородной династии, Пудинг, как обычная дворняга, лизнул руку девушке, потом встал на задние лапы и, насколько позволяла собачья артикуляция, представился или пролаял:

– Звя-гин!

И при этом протянул девушке лапу.

Кто бы видел, какое веселье полыхнуло в ее глазах! Она, не веря своим ушам и глазам, спросила:

– Это он со мной знакомится?

Пудик подумал: «Ну конечно же, кто – то же должен это сделать?! От Ярослава Платоныча дождешься, как же...»

– Да, простите, забыл представиться. Звягин Ярослав Платоныч.

– Анна. Анна Викторовна Громова.

– Вас проводить? А то вдруг эти лохматые гопники вернутся, – сам не ожидая от себя такого, предложил Яр.

Глаза девушки засветились искренней радостью, и она готова была уже сказать, что будет весьма признательна... Но вдруг ее взгляд будто ушел внутрь, и счастливое выражение лица сменилось дежурно – доброжелательным. Она поняла, что необходимо срочно оградить себя от общения с этим мужчиной, который занимал ее воображение все время после приезда. В него можно влюбиться без памяти, но как раз влюбляться в него и нельзя.

– Благодарю вас. Я думаю, они больше не осмелятся, зная, что у меня есть такие защитники, – сказала Анна с теплой улыбкой.

И Пудик отметил, что в голосе девушки прозвучали грустные нотки.

Он осуждающе посмотрел на хозяина, улегся на землю, вытянув морду, закрыл глаза и скрестил на носу передние лапы. Так он дал понять, что ему просто стыдно за Ярослава Платоныча.

Глава 2

Анна увидела золотой отблеск, словно предупреждающая молния, отлетевший от ... обручального кольца. Мгновенно рассеялся волшебный флер иллюзий насчет подарка Судьбы. Именно подарком она посчитала знакомство с этим восхитительным мужчиной. Как жаль! Не просто жаль! Этим словом не передать то чувство, которое она испытала.

До знакомства со Звягиным Анна не давала себе труда задуматься, какой мужчина ей нужен. Не сочиняла, как другие девчонки длинный перечень качеств, которыми должен обладать идеальный мужчина. И добрый, и ласковый, и щедрый, и ... еще на три листа мелким шрифтом. Будто такие существуют! Вот глупость –то! Да и если существует, то с чего бы ему идеальному влюбляться в неидеальных Светок, Наташек, Олек?

С ней этакому эталонному мужчине рядом точно делать было бы нечего. Уж очень у нее много «чудинок», как называет ее неискоренимые привычки бабуля. И тарелку за собой может не помыть, и ложкой прямо из кастрюли что-нибудь выцепить и в рот закинуть, и из джинсов не вылезает, и краситься не любит, и скутер, на котором она любит гонять.... В общем, не барышня, а Мальчиш-Плохиш...

И вот только увидев Его, Анна осознала в полной мере, что она девушка. Конечно, она и раньше знала. За ней многие пытались ухаживать. Но едва поймав ее взгляд исподлобья, в котором однозначно читалось, как на трансформаторной будке: «Не влезай, убьет!», незадачливые ухажеры поспешно ретировались. И ей впервые захотелось понравиться мужчине. Причем конкретно этому статному, серьезному мужчине. Как приятно было бы оказаться в его объятиях, чтобы он подхватил ее на руки! У девушки сладко зануло под ложечкой и сердце учащенно забилося. А она и оказалась! Только не так, как положено барышням – нежно обнимая за шею и прильнув головой, а просто как куль какой-то свалилась, попой кверху и ... При воспоминании о его руках, она опять чуть не покраснела. Как он только успел поймать ее!

Но Анна была рассудительной девушкой, и не испытывала желания доставлять себе страдания. Поэтому повздыхав, решила, что жизнь продолжается, так что долой женственные платья, томные вздохи о недоступных поцелуях и здравствуй скутер, перемазанные сажей костра руки и прыжки с дерева в воду!

* * *

– Тотошка! Привет! Я с бабулей все новости обсудила, семь розовых кустов посадила, рис от гречки отделила и теперь я совершенно свободна. Давай после работы на остров! Я так соскучилась! Напечем картошки, пожарим сала на прутиках, как всегда. Рыбу половим, ухи сварим. Покупаемся, поныряем! Если б ты знал, как мне не хватало всего этого! – весело зашебетала Анна, предвкушая встречу со своим верным пажем, поклонником, и самое главное – единственным преданным другом.

С первого класса они сидели за одной партой, и все их еще в школе поженили. Антоша за Аней следовал, как ниточка за иголкой. Сколько раз рисовал сердечки на асфальте с надписью внутри «Анна + Антон». И сам он, понимая, что от искренней дружбы до тех отношений, которых хотелось бы ему, очень далеко, покорно принимал то, что есть. И даже в шутку называл себя Тотошкой, по аналогии с верным псом Элли из сказки об Изумрудном городе.

– Я перезвоню, – этот предельно сухой, но совершенно не информативный ответ девушку настолько озадачил, что она находилась некоторое время в ступоре. Что это с ним?! Не заболел часом?

Разгадка появилась намного позже, когда смысла ехать на остров уже не было никакого. Антон Андреич Колосков, он же Антоша, он же Тотошка, подъехал к дому Ласкиной Дарьи Петровны на своей верной лошадке, белой «Ладе», тогда, когда другого молодого человека и на порог не пустили бы – в половине десятого вечера.

– Анютка, привет! – Антон сгрел девушку в объятия и расцеловал в обе щеки. Дарья Петровна, услышав шум, выглянула в гостиную.

– Антоша, мальчик мой! Как давно я тебя не видела! А ты чего так поздно?!

Молодой человек только горестно махнул рукой.

– Дарья Петровна, работа, работа и еще раз работа.

– Ты не голоден? Хотя, где там не голоден, ты ж небось домой не заезжал, пойдем, покормлю тебя, а то внучка только и может, как баснями накормить. Бес, а не девка, что только в голове?! Другие вон замуж выходят, а ей незнамо чего надо. Вот я ей и говорю: «Окрутит какая-нибудь вертихвостка твоего Антошу, и останешься в девках».

– Бабушка, прекрати немедленно! – Аня терпеть не могла разговоры о замужестве, которые неизменно начинала старушка.

– А что? И останешься! Ведь кроме Антоши, тебя никто не выдержит. Есть не умеешь готовить, в комнате путеводитель нужен, чтобы что-то найти. Коленки ободраны опять. Вот Антош, сказала ей вишни оборвать. Есть хорошая стремянка, устойчивая, так нет, ей, как кошке, надо на дерево вскарабкаться.

Анна скорчила смешную рожицу и звонко чмокнула бабулю в щеку.

– Дарья Петровна! А вы чем лучше меня?! Вместо того, чтоб покормить молодца, вы его разговорами потчуете.

– Ой, и ведь правда! Баба Яга, и та сначала накормила-напоила, а потом выспрашивать стала. Прости Антош, это я по-старчески уже брюзжу. Ну уж очень хочется правнуков увидеть.

– Дарья Петровна! Ну, вы же знаете, я хоть сейчас готов под венец, – за шутливыми интонациями в голосе Антона сквозила глубокая грусть.

Анна насупилась. Неожиданный перевес сил не в ее пользу ненадолго огорчил девушку. Подумаешь, двадцать только один год! Не собирается она еще замуж. Тем более...

Но долго пребывать в расстроенном состоянии ей было несвойственно, поэтому она скандовала:

– Пойдем на кухню, – и нарочито по-старушечьи передразнила, – готов он...

Усадив гостя за стол, Анна приготовилась расспрашивать, как одноклассники, как друзья поживают. Но сначала хотела договориться о пикнике. С самого детства остров был их маленькой страной – и Островом сокровищ, и Необитаемым островом и Райским островом.

– Антош, ну когда на наше место поедет? Мне так не терпится! – и действительно, от одной мысли об этом предстоящем маленьком приключении она чуть не подпрыгивала на месте от нетерпения.

– Анюта, вот погоди, выпрут меня с работы, тогда мы с острова вылезать не будем, – обреченно ответил Колосков.

– Ты что такое говоришь? Ты же лучший сотрудник! – округлив глаза, воскликнула Анна.

– Понимаешь, к нам приехал ревизор, то есть прокурорская проверка.

– Ну и что?! Мало у вас этих проверок было? – бившая через край энергия никак не давала Анне усидеть на месте. От нетерпения она влезла с коленками на стул, выпотрошила половину локонов из косы – ее любимое развлечение откладывалось из-за какой-то проверки!

– Аня, это не просто проверяющий. Это настоящий Кощей Бессмертный. Кстати, его так у нас и окрестили. Худой, поджарый, как гончая, волосы чуть ли не дыбом топорщатся, лицо, как из гранита высечено, скулы кожей обтянуты, нос как у Цезаря. Губы как сожмет в ниточку, так и кажется, что он усилием воли удерживается, чтоб не сказать, какие мы идиоты. А глаза б ты видела! Помнишь, по физике учили Огни Святого Эльма? Так это вот они и есть родимые. Понимаешь, это реально не человек! – Антон хлопнул себя по лбу, будто только что сделал вывод, лежавший на поверхности. – Точно! Не человек! Понимаешь, он не потеет! Жара на улице, а он в костюме, с галстуком, еще и в жилете. И наверно, вообще не спит! Сидит тут допоздна, а в пять утра уже на турнике подтягивается на площадке за гостиницей. Ест, правда.

Хотя... Точно не человек. Машину ж тоже заправлять надо. Так вот он ровно в двенадцать, заметь ни минутой раньше, ни минутой позже, идет в кафе. Жуткий педант.

– Слушай, ну ты монстра нарисовал. А вы пытались найти к нему подход? – сердечко Анны подпрыгнуло и забилося часто-часто. Несомненно, в этом гротескном описании она узнала Его.

Стройный, подтянутый, с чеканными чертами лица, с зелеными глазами, кажется, проникающими в самую душу, с непокорными, жесткими волосами. И то, что Антону не удалось увидеть, – с умопомрачительной улыбкой.

– Ань, ну обижаешь. Что ж мы, совсем тундра?! Конечно, пытались. Васильич, это же гений коммуникации, и рыбалочку, и баньку ненавязчиво предлагал. И охотой приманивал. Ни в какую. Мы даже свой ОМОН бросили на него в виде Лизы. Одноклассница наша, помнишь? Секретарем у нас работает. Еще не было мужика, который перед ней бы устоял. Ноги, грудь, улыбка..., – и по тому, как мечтательно загорелись глаза Колоскова, который однозначно и бесповоротно был влюблен в Анну, можно было сделать вывод, что эта девушка, несомненно, являлась оружием массового поражения.

Спохватившись, Антон виновато поспешил исправить оплошность.

– Ань, прости, это я выразил общее мужское мнение. Я считаю, что ты самая красивая.

Анна звонко рассмеялась.

– Да ладно! Ну, мы же все разные, и на всех разное впечатление производим. А представь, если бы все были как Лиза?! Скучно было бы.

Так что она?

– Не поверишь! Заходит к нему в кабинет, на подносе чай с плюшками. Юбка с разрезом, блузка открывает больше, чем закрывает. Улыбка – Голливуд увольняет своих дантистов. И что ты думаешь?

Анна с горящими глазами ждала развязки. Лиза пришла к ним в седьмом классе. Она сражала красотой, конечно, наповал. И хотя Анна была абсолютно не завистливой и их интересы нигде не пересекались (Лиза вместо учебников набивала портфель модными журналами, а Анна на спор с мальчишками сигала со школьного сарая), НО...Эта барышня своей высокомерностью по отношению к девчонкам, не желающим носить за ней королевскую мантию, слегка ее подбешивала. И сейчас девушке хотелось, что бы хоть кто-то щелкнул ее по носу.

– Ну и?! – Анна нетерпеливо заерзала на стуле.

– Он посмотрел на нее, как на лягушку, ни один мускул не дрогнул. И сказал таким бесцветным голосом: «Благодарю за заботу, но я чай не привык гонять в рабочее время, такого правила и вам настоятельно рекомендую придерживаться. К тому же, если вам так жарко, что приходится блузку расстегивать, похлопочите, пусть кондиционер в секретарской отрегулируют».

– Ну, хоть кто-то с нашей королевы Елизаветы корону снял. А то помнишь, как она мне прилюдно заявила: «Анечка! Ты симпатичная девушка, но с такой косой уже сто лет, как никто не ходит! Хочешь, я запишу тебя к своему мастеру?»

– Конечно, помню, – со смехом ответил Антон. – а ты ей: «Спасибо, ты очень добра. И мастер у тебя замечательный. Но боюсь, вместе с косой и ум пропадет. И нас не отличить будет!»

Не желая злоупотреблять гостеприимством, спустя полчаса молодой человек откланялся, оставив Анну в состоянии, которое она сама не могла определить. Несомненно, верхней и самой яркой нотой этого букета эмоций была радость от встречи с Антоном, затем, раскрываясь приливом энергии, ощущалось предвкушение пикника, и тонким шлейфом, оставшимся на ночь, было мучительное осознание того, что встреченный мужчина, такой многогранный, такой потрясающий, не должен занимать никакого места в ее душе.

Глава 3

Дарья Петровна всплеснула руками и суеверно перекрестилась.

– Господи помилуй! Да кому ж это спокойно не живется! – и старушка принялась бормотать что-то под нос себе. Затем обернувшись, крикнула:

– Аня, скорей неси железную лопату, спички и бумагу.

– Ба, ты чего там причитаешь?! – удивленно спросила девушка.

– Да не разговаривай много, проблема у нас! – в голосе бабушки Анна уловила серьезную обеспокоенность.

– Я тебе не говорила, боялась беду накликать, но видать, не миновать судьбы. Твоя бабка по отцовской линии, Степанида, была настоящей ведьмой. И это у них передается по женской линии. Я так переживала за тебя, потом успокоилась. Когда крестили тебя, ты улыбалась, со мной в церковь, хоть за компанию, да ходила. И вот-те на! Какая-то нечистая сила прознала про тебя и решила в бесовство тебя обратить, или застрашать. Хрен редьки не слаще! Да неси уже скорей! Видишь, наколдовать кто-то решил! Надо как можно быстрее от этого избавиться.

Анна подошла к калитке, возле которой что-то белело и над чем убивалась ее бабуля.

– Дарья Петровна! Ну, вы даете! Какая нечистая сила?! – Анна взяла в руки находку. – Это же кость из собачьего магазина! Зубы точить!

– Брось немедленно! – Взвизгнула старушка. Потом немного остывая, но все еще недоверчиво, добавила:

– А хоть и из собачьего магазина, чего-й ей тут делать?

– Ну, может собаки друг у друга отнимали, и одна решила сюда закинуть и потом вернуться.

Хотя если бы это было так, на ней, следы борьбы сохранились бы. А косточка была аккуратненькой, будто только что распакована. Осознавая, что объяснение притянута за уши, Анна решила не задумываться над этим событием, потому что все равно ничего более логичного в голову не приходило. Она положила собачью радость чуть в сторону от дорожки, на случай, если лохматая владелица вернется.

И увлекшись своими делами, совершенно позабыла об инциденте. А Дарья Петровна, решив перестраховаться, косточку все-таки изничтожила.

История повторилась еще пару раз, окончательно вселив в старушку уверенность в происках нечистой силы. Зато Анна, сияя от радости и тут же усилив воли гася этот свет, выяснила причину появления собачьих «вкусняшек».

Собираясь выйти из сарая, куда зашла за лейкой, она на секунду замешкалась, да так и замерла на пороге. Из-под калитки показалась еще одна кость. За нею черный нос, подталкивавший косточку по дорожке подалее и наконец, рыжая лапа, которая довершала поступательное движение гостинца.

– Пудик!! Пудик!! – позвала девушка своего четырехлапого ухажера.

Застигнутый на месте не то что бы преступления, Пудинг не знал, на что решиться. Очень хотелось броситься к Анне Викторовне, увидеть радость в ее взгляде, подставить брюхо под ее ласковые руки, зажмурившись от восторга. С другой стороны, он предельно ясно понимал, что Ярославу Платонычу это си-и-и-ильно не понравится. Пока он стоял, замерев, в поиске решения дилеммы, Анна уже вышла за калитку. Спасаться бегством было поздно, к тому же он был просто пес, с обыкновенными собачьими слабостями, а не его гранитоподобный хозяин, никогда не выражавший эмоций, с душой, упакованной в саркофаг воли. А просто псу, хоть и с блестящей родословной, восходящей чуть ли не к собачьим Рюрикам, хотелось ласки и общения с этой чудесной девушкой.

И преодолев душевные терзания, он перевернулся на спину и смешно задрогал лапами. Анна присела и принялась гладить это чудо чудное. Конечно, всякое в жизни бывает, но чтобы пес ухаживал за девушкой, она не могла припомнить. Ее переполняло странное, не поддающееся однозначному описанию чувство. Грустная радость, или радостная грусть. Как –то так. Будто сам Ярослав Платоныч был сейчас здесь и смотрел снисходительно на эту картину. Ей бы хотелось еще раз увидеть его, услышать его низкий, с чарующим тембром голос, согреться его улыбкой, поговорить с ним.

И в то же время она твердо знала, что этого нельзя желать ни в какой, даже самой малюсенькой степени, чтобы не оказаться заложницей чувств. Она и так не могла выбросить из головы те восхитительно-смущающе-волнующе – счастливые минуты их встреч. Но, к сожалению, их все равно нужно забыть. Любить женатого мужчину – это верх самоистязания. Она будет старательно выкорчевывать в своей душе, как злостные сорняки, любые ростки влечения к этому мужчине. Она не сомневалась, что он самый-самый. Как он поймал ее, среагировав в доли секунды! Какой он умный – Антоша с трепетом рассказывал, что Звягин как рентген, просвечивает все недочеты. Какой правильный – даже на Лизу не обратил внимания.

Единственный мужчина, который ей был нужен, который пробудил в ней чувства. И он же единственный, от которого нужно держаться подальше, чтобы не пришлось мерзнуть, не смея подойти к чужому костру. А страдать она не намерена. Ведь полюбив его, она будет предана только ему....

– Так вот какой закоулок выбрал господин Пудинг для прогулок! – от этого голоса и девушка, и пес разом вздрогнули и почувствовали себя, как нашкодившие кошки. Анна опять мило покраснела, а Пудинг на брюхе подполз к хозяину, виновато виляя хвостом.

– Ярослав Платоныч! Не ругайте его, пожалуйста. Он... – Анна запнулась, не зная, как отнесется Звягин к ее словам.

Пес посмотрел на нее и ободряюще твякнул.

– Он ухаживал за мной! – выпалила девушка.

Только что пытавшийся удержать на лице суровое выражение, Звягин чуть не поперхнулся. Левая бровь его взлетела, выдавая крайнюю степень удивления.

– Вот, посмотрите! – с этими словами Анна открыла калитку и показала неопровержимое доказательство своих слов – на дорожке сиротливо лежала кость.

Силой воли сдерживая смех, Яр чуть не хрюкнул. В конце концов, он не выдержал, ибо дальнейшее не поддавалось анализу. Благородный пес, горделиво приосанился, с достоинством сходил за косточкой. И с самым серьезным выражением на морде положил ее к ногам Анны, едва при этом не раскланявшись.

Звягин захохотал, как сумасшедший, полностью забыв про свои первоначальные намерения выразить недовольство. Анна, потрясенная не меньше него, тоже рассмеялась, да так звонко и с таким озорством, что Яр вообще потерял ориентацию во времени и пространстве. Ему, казалось, что он такой же сейчас молодой, как это чудное создание, благодаря которому он умирает со смеху. Он, действительно, не помнил, когда в последний раз так безудержно смеялся.

– Ну, Анна Викторовна, вы меня повеселили! Это же просто невозможно! – не в силах остановиться, чуть не простонал Звягин.

– Да помилуйте, я тут ни при чем, это же ваш пес решил стать моим кавалером!

«Ну, смейтесь, смейтесь! С чего начинаются серьезные отношения? Правильно, с общих воспоминаний! Ярких событий! Вот вам и третья картинка в альбом памяти», – совершенно удовлетворенно подумал умный спаниель.

– Пойдем уже, жених, – немного успокоившись, позвал Звягин питомца. И Анна поймала отсвет самой прекрасной улыбки, которую мужчина еще не стер с лица.

А тот восстановил в памяти картину, так сказать, преступления.

Неделю назад, вернувшись в гостиницу, он обнаружил, что на завтрашний день не было еды для Пудинга.

– Ну что, придется в магазин идти. Готов? – Яр обратился к спаниелю.

«Всегда готов», – про себя ответил пес словами пионерской клятвы и радостно завертелся. В голове его зрел план.

Взяв упаковку «Charri», Яр уже собирался идти к кассе, как Пудинг просительно тявкнул. Взгляд его был устремлен на красивые, упакованные в прозрачную оболочку большие косточки. Попрошайкой он никогда не был, и предыдущая еще была не догрызена, но сейчас она ему нужна была позарез. Звягин, слегка удивившись, положил собачью радость в корзину. Пес благодарно завилял хвостом.

В номере Яр выложил покупки на маленький столик.

– Что тебе дать, косточку? – И увидев, что Пудинг выразил согласие, застучав хвостом по полу, освободил ее от упаковки. Только он отвернулся, как пес, метнувшись в прихожую, спрятал лакомство между шкафом и стеной. Убрав продукты в холодильник, Яр увидел, что спаниель сидит возле двери и вежливо ждет, чтоб его выпустили. Городок тихий, поэтому Пудинг иногда выходил погулять один.

Приоткрыв дверь, он отвлекся на звонок телефона. И не заметил, что его питомец отправился на улицу вместе с косточкой.

На следующий день вообще притащил упаковку, которую накануне вытащил из мусорного ведра и припрятал так, что горничная не нашла, и жалобно посмотрел, давая понять, что именно этого ему на сегодня и не хватает для полного счастья. Конечно, он пошел и купили еще.

И теперь ему только оставалось гадать, почему пес не какой –нибудь пуделихе таскал гостинцы, что было бы объяснимо, а Анне? Ответ, красной тряпкой мельтешивший перед глазами, он упорно не хотел замечать – Пудик чувствовал, что Анна понравилась хозяину.

Глава 4

Звягин вышел из здания полиции, намереваясь пообедать в кафе. Собираясь перейти дорогу, он, как примерный пешеход, посмотрел налево, посмотрел направо и замер. Даже не притормозив на перекрестке, неслась на скутере недавняя знакомая. Девушка со сказочной косой. Она увидела Яра и по этой причине не увидела выбоину на дороге.

Он впервые понял, что у него есть сердце, по тому, как оно сжалось, как от острой боли, и, похоже, забыло, как биться. Было ощущение, что он попал в какой-то липкий кошмар, в котором все тянется, как в замедленной съемке, ужас хватается за горло, но изменить или предотвратить что – то никто не в силах.

Ямка была небольшая, но этому недостаточно устойчивому агрегату хватило, чтобы он потерял вертикальное положение и свалился, пойдя юзом. Девушку буквально вышвырнуло на обочину. Яр ринулся через дорогу, даже не думая оглядеться по сторонам.

Анна была без сознания – головой она ударилась о бордюр. Кровь вытекала из раны, окрашивая серую пыль в багряный цвет. Одной рукой выхватывая телефон и набирая номер «скорой», он опустился на колени и, леденея от неизвестности, прощупал пульс на шее. Слава Богу, она была жива! Но зная, как коварны такие травмы, он чувствовал, что страх за этого безрассудного сорванца буквально затапливает его.

Услышав, что одна машина на ремонте, а вторая на вызове, Звягин скрипнул зубами от ярости. Понимая, что устраивать разгон, – это терять драгоценное время, он вскочил на ноги и чуть ли не прыгнул под колеса приближающегося автомобиля. Резко взвизгнули тормоза, и из машины показалась бритая голова на мощной шее, обернутой золотой цепью, наверно подобной той, по которой ходил и кот ученый.

– ………, – опустив ругательства, можно сказать, что бритоголовый просто укоризненно посмотрел, молча выразив свое недовольство. Яр, будто не слыша матерной тирады, резко рванул дверцу и, выдернув ключ зажигания, скомандовал:

– Пересаживайся на пассажирское сиденье!

– Какой, …, пересаживайся! Ты ох..?.

Вместо ответа Яр послал ему такой взгляд, что бритоголовый понял – нужно подчиниться, ибо несмотря на то, что противник объективно мельче комплекцией, он сейчас явно не в себе, так что способен и горло перегрызть.

– Открывай заднюю дверь, – бросаясь к лежащей девушке, давал указания Яр. Бережно подняв на руки, он уложил ее на сиденье. Вскочил за руль. Лоб покрылся бисеринками пота от нечеловеческого напряжения – сейчас он напоминал себе водителя, везущего неразорвавшуюся бомбу. С той разницей, что умирал от страха не за себя. Хорошо, что первая попавшаяся машина была дорогой, с мягким ходом. Но неизвестность пугала невероятно. И с огромным удивлением он поймал себя на неконтролируемых мыслях, которые в голове его не могли возникнуть по определению. Материалист до мозга костей, сейчас он обращался к Богу, молил его, чтобы с девушкой все было в порядке, чтобы ей оказали помощь, и она была бы жива и здорова.

Подъезжая к больнице, он велел своему «заложнику» позвонить в приемный покой, чтоб там встречали пострадавшую.

Иступленность Звягина передалась и владельцу машины, поэтому он говорил так, что медики не стали мешкать и встречали их уже у входа.

Яр не доверил никому доставать из машины девушку, безотчетно понимая, как это нужно делать правильно. Бережно уложил ее на каталку, намереваясь следовать за ней и дальше. Однако его остановили, заверив, что сделают все необходимое.

Звягин отступил только тогда, когда получил клятвенные заверения, что необходимые лекарства есть, рентген –аппарат работает, врачи на месте.

Однако совсем уходить он не собирался, вдруг кровь понадобится или еще что. Он только решил поблагодарить хозяина автомобиля за помощь.

– Прошу прощения за то, что вынудил вас оказать помощь, но сами видели, по-другому было нельзя. Сколько я должен за чистку салона? – Звягин полез во внутренний карман за бумажником.

Носителю золотой цепи стало стыдно за свою первоначальную реакцию, и он смущенно возразил:

– Да ты что! Я совсем чурбан, что ли? Понятно, девку спасти надо было. Какие деньги?! Давай подвезу.

– Нет, благодарю, я дождусь результата обследования. Вдруг что-нибудь будет нужно.

Нетерпеливо вышагивая по коридору приемного покоя, Звягин только сейчас задумался, что ему пришлось пережить. И как ни странно, его идеально функционирующий мозг, в любую секунду готовый выдать структурированную информацию по любому вопросу, в данный момент дал конкретный сбой. Яр не мог припомнить, чтобы когда-нибудь испытывал такое состояние. Ему казалось, что если бы на пути возникла каменная стена, то он прошиб бы ее головой, кулаком, ногой – но остановить его ничто не смогло бы.

Возникал вопрос – а что за сила им двигала? И этот вопрос не имел ответа. Безусловно, он чувствовал себя виноватым, ведь девушка отвлеклась на него. И поэтому теперь он безумно переживает. Однако, какой –то внутренний голос подсказывал, что это только часть правды. Было что-то еще, не поддающееся осмыслению, оно, словно теплый пушистый котенок, мягко перебирая лапками, возилось где-то в душе, то нежно мурлыча, то непреднамеренно, но, тем не менее, больно вонзая коготки в нежную эфемерную оболочку.

Впервые в жизни он забыл про долг, про работу, и никакая сила не заставила бы его уйти отсюда, не дождавшись положительного результата.

Наконец вышел врач и успокаивающе сказал:

– Не волнуйтесь, с вашей девушкой все будет хорошо. Она пришла в сознание, сотрясение мозга и ушибы мягких тканей – можно сказать, что легко отделалась. Нужно понаблюдать, прокапать, и дня через три можете забирать на домашнее лечение.

– Доктор, скажите, что-нибудь нужно? – Яр не мог еще окончательно успокоиться.

– Не нужно, все необходимое есть, – при этом он ободряюще улыбнулся и похлопал Звягина по плечу.

Вызвав такси, Яр направился в гостиницу – нужно было переодеться....И остыть. Интересно, а почему он не возразил, что это вовсе не его девушка, что он случайный прохожий, и забирать ее, по факту, он не должен?!

Странно, но слова доктора, словно темную кладовку лучом солнца, высветили тайники его души. Он, действительно, хотел бы, чтобы у него была такая девушка, как Анна. Чистая, открытая, озорная, какая-то невозможно, нереально настоящая. Надо же, какой оксюморон получился! Такая юная, но с какой-то взрослой женской мягкостью. Или не в этом дело?! И мозг Звягина, наконец, оправдал свое звание Супер-мозга. Он, обработав информацию, пришел к выводу, что хозяин хотел бы не такую девушку, как Анна, а именно ее. Это было открытием, заставившим Яра сильно обеспокоиться.

Он всегда, ну почти всегда, выбирал женщин рационально, по параметрам и критериям. Анна же не вписывалась ни в какие стандарты, он мало что о ней знал, но руки, запомнившие ее тело, будто диктовали свою волю, безапелляционно подчиняли себе разум. Они снова и снова возвращали его в день их первой встречи. Ведь она пробудила в нем странное, противоестественное желание, и его внутренняя система безопасности истерично сигнализировала о явных неполадках в годах отлаженной, идеально функционирующей системе мировоззрения.

Слыша фразу «носить женщину на руках», он искренне недоумевал – зачем, сама что ли ходить не может?! Женщина для него была равноправным партнером. Никакой это не слабый пол! Единственное, в чем он допускал свое преимущество – это в финансовых вопросах. Здесь он был категоричен – женщина за себя не должна платить – так положено.

Но поймав Анну в свои объятия, он чуть не задохнулся от прилива нежности. Хотелось перевернуть ее лицом к себе, почувствовать, как бьется ее сердце. Осязать ее мягкое, непоседливое, словно ртуть тело...

На работе он совершенно не мог сосредоточиться. Читая по несколько раз одну и ту же строчку, он никак не мог понять сути. Просто наваждение какое-то!

Сейчас он вспомнил, что хотел невербально донести до его сознания пес, после того как они спасли Анну от лохматых гопников. Он говорил: «Мне просто стыдно за тебя. Не могу на это смотреть!»

Здесь он был полностью согласен с Пудингом. Суровый сотрудник прокуратуры, Ужас, летящий на крыльях ночи, Кощей бессмертный, Тот, кого нельзя называть по имени (как его за глаза таки и называли) вел себя как мальчишка.

Давным – давно получив в паспорте отметку «Свободен и счастлив», Яр не снял обручального кольца. Сначала он ...

Постучавшая в дверь Лиза не дала ему углубиться в размышления – принесенные стопки бумаг настоятельно требовали присутствия не только его физического тела за столом, но и сознания.

Однако надолго его не хватило. Мысли об этом милом сорванце снова выдернули его сознание из работы. И начали опять, как в калейдоскопе, выхватывать картинки их недолгого знакомства. Вот Пудинг протягивает Анне лапу и в глазах ее вспыхивают радостные лучики, вот его пес ухаживает за Анной и они хохочут до упаду, вот он предлагает ее проводить...

Проводить. И взгляд ее падает на кольцо. Пудинг, конечно, укоризненно посмотрел на него, но хорошо, что оно есть. Оно защитит эту девочку от него самого. Потому что сам, кажется, защититься от нее уже не в силах.

Перед самым разводом он, играя в волейбол, получил травму – трещину в кости безымянного пальца, из-за чего сустав деформировался. С точки зрения эстетики особых нарушений не было, но кольцо не снималось.

Его благоверная, вернее НЕ благоверная, нет, скорее благо НЕ верная супруга посмотрела на него своим фирменным победным взглядом, прикусив нижнюю губку и, как сытая пантера, промурлыкала:

– Ну вот! Теперь ты навеки мой! Ты мой!

На тот момент он спорить и не собирался. Однако вскоре жизнь его круто изменилась, и собственно было не до кольца. Потом подумал, что нужно распилить его как-то, но все не находилось свободного времени. А затем оно и вовсе стало для него своеобразным кольцом Соломона, глядя на которое он вспоминал, что «и это пройдет».

И оно же придавало ему в глазах противоположного пола статус некой недоступной крепости. Ему категорически не нравилось, когда на него женщины устраивали охоту, и поэтому очень не хотелось никого ставить в неловкое положение отказом, который неизбежно следовал за попыткой надавить на него. Женщин он предпочитал выбирать сам.

И кольцо в некоторой степени было сродни тому, которое носил герой пушкинской «Барышни-крестьянки». Хоть и без изображения мертвой головы, оно иногда позволяло хозяйину выглядеть таким же мрачным и разочарованным, чуть ли не говоря об утраченных радостях, и об увядшей своей юности. И тут он усмехнулся – ну да, детский сад – штаны на лямках. Наверно, он пропустил какой-то этап своей жизни, что таким образом восполнял недополученную возможность поиграть.

Влюбиться Яр не мог, потому что его рациональный мозг не воспринимал информацию, не подтвержденную фактами. И всякие «Люблю-ни – магу» для него были пустым звуком. Женщину, которая может быть с ним рядом, он должен прежде всего уважать. Он ценил интересную беседу, приятно, если еще и с юмором, физическое удовольствие от близости. Но не больше.

Сейчас его стройная система мировоззрения угрожающе шаталась, грозя рассыпаться в прах. Все три дня пребывания Анны в больнице он, как Гамлет, мучился вопросом: «Быть или не быть?», вернее, «ехать или не ехать» за ней? С одной стороны, он ей абсолютно никто – шапочный знакомый, с другой стороны, раз он ее привез туда, логично предположить, что должен и забрать. Да ничего он не должен! Наверняка, ее есть кому забрать. К тому же, Анна взрослая девушка, может сама себе такси вызвать и доехать до дома.

Утром в день X (икс) Яр понял, что трусливо отодвигаемое ранее решение нужно срочно принимать. И как всегда, если человеку что-то очень хочется сделать, но нельзя, его изворотливый ум находит массу неопровержимых доводов, объясняющих крайнюю необходимость сделать это. Вот и сейчас он подумал, что девушка еще слаба, и вдруг она плохо себя чувствует? Таксист не будет же ее поддерживать под локоток?! И объясняя свое решение исключительно приступом человеколюбия, он набрал номер отделения и узнал, что выписывают ее в двенадцать часов.

Войдя в приемный покой, Звягин был неприятно удивлен, увидев Колоскова. Мозг, проявив чудеса проницательности, выдал информацию, что факт присутствия этого молодого человека здесь несет в себе какой-то негатив.

С большой долей вероятности можно было предположить, что такая же мысль пронеслась и в голове Антона. Их взгляды скрестились, как две сверкающие шпаги. Еще не озвучив друг другу вызов, они схлестнулись в ментальной дуэли.

«Вы что здесь делаете, Ярослав Платоныч?»

«Это же я хотел спросить у вас»

«У меня здесь могут быть родственники, знакомые. А вот вам здесь делать нечего – родни и друзей у вас нет!»

«Родни нет, это точно, но дело есть. И если мы здесь за одним и тем же, рекомендую вам сделать вид, что вы заблудились».

«Не дождетесь!»

* * *

В двенадцать часов появилась Анна. Она была бледна. Темные круги под глазами, конечно, не красили ее, но мужчины в запале соперничества этого даже не заметили. Зато она просто онемела от потрясения. Что они здесь делают вдвоем? Зная, что у Антона сложная обстановка на работе, она сказала, что вызовет такси. И поэтому никак не ожидала его тут увидеть. Собственно, его одного она бы и не против была видеть, но ... тут был Ярослав Платоныч. Он что здесь делает? И мысль о том, что он приехал за ней, вспыхнула неконтролируемым лучом радости в ее глазах.

– Вы что здесь делаете? – вопрос, адресованный обоим мужчинам, прозвучал очень растерянно, и, получив ответы, она поняла, в какую ловушку угодила.

– Я приехал за тобой!

– Я вас должен забрать!

Ответы прозвучали одновременно, окончательно сформировав неприязненную позицию мужчин по отношению друг к другу.

Анна растерянно посмотрела на них. Что делать?!

Выбрав Антона, она оскорбит и оттолкнет Ярослава Платоныча. Несмотря на то, что им не суждено быть вместе, в душе все равно тлеет огонек. Это был огонек какого-то неизъяснимого влечения. И ей было важно, чтобы именно этот мужчина тоже в своей душе находил место для нее. Она мечтала о том, что, живя своей жизнью, Яр Платоныч иногда будет думать о ней.

Выбрав Звягина, она обидит и унижит верного Тотошку, единственного друга. Ведь она ему всегда твердила, что не создана для любви, что мужчины ее не интересуют и замуж она не хочет. И вдруг явно предпочтет другого. Он этого не заслуживает!

Глаза ее готовы были наполниться слезами. Колосков и Звягин, как два лося, готовых схлестнуться в смертельной схватке из-за самки, с наливающимися кровью глазами, напряженно ждали ее ответа. Казалось еще секунда и раздастся глухой стук рогов. И медлить с ответом было нельзя.

Анна никогда в жизни не чувствовала себя так некомфортно. Она в нерешительности переводила взгляд с одного мужчины на другого, губы начали предательски подрагивать. Однако болезнь ее выручила из щекотливой ситуации. От нервного напряжения в голове у нее зашумело, и она упала бы на пол, если бы Звягин не подхватил ее на руки. Ноги, только что готовые бежать из больницы, стали холодеть, грудь сдавила какая-то леденящая сила, руки онемели. И если бы волосы не были бы заплетены в тугую косу, то точно стали бы дыбом. От ужаса глаза распахнулись, и ее дикий крик переполошил чуть ли не всю больницу.

Рядом с Антоном ей привиделась Наташа Сидоркина, их одноклассница, которая покончила жизнь самоубийством. Она медленно подняла руку и поманила Анну к себе.

Девушка почувствовала себя словно в ожившем кошмаре, холод мертвецким саваном окутывал все ее тело, и она, с предельной ясностью осознала, что если ничего не предпримет, покойница заберет ее с собой. Сознание путалось. Совершенно не отдавая себе отчета в том, что делает, она бросилась к Звягину и вцепилась в него мертвой хваткой.

– Ярослав Платоныч, миленький! Не отдавайте меня ей!!! – кричала она, трясясь от страха, как осиновый лист.

Яр испугался не меньше нее. Обхватив одной рукой ее за талию, другой он прижал голову Анны к своей груди, легонько поглаживая по волосам и шепча:

– Тише, тише. Я вас никому не отдам! – и еле слышно добавил, сам удивившись своим словам: – Бедная моя девочка!

Однако Анна не могла никак успокоиться. Ее билась нервная дрожь, она заходила в истерику.

Прибывшие медики пытались оторвать ее от Яра, чтобы уколоть успокоительное. Но она еще сильнее завизжала и подняла безумный взгляд на мужчину. В нем смешались боль, страх, отчаяние и мольба.

– Не отдавайте меня!!!! Она хочет меня забрать!

Яр еще сильнее прижал ее к себе.

– Все хорошо! Вас никто не посмеет тронуть.

– Ярослав Платоныч, ей нужно успокоительное. Если она у вас ищет защиты, скажите ей об этом, и ее нужно в палату доставить, – знакомый уже Звягину врач был сильно обеспокоен.

Яр подхватил девушку на руки и пошел вслед за доктором. В палате он хотел положить ее на кровать, но Анна снова зашлась в неконтролируемом плаче, цепляясь за него.

– Не-е-т!!! Не оставляйте меня, прошу вас, Ярослав Платоныч. Не оставляйте, – всхлипывала она.

– Я вас не оставлю. Я буду с вами.

Тогда он со своей драгоценной ношей сел на стул, бережно прижимая ее к себе.

– Доктор, что с ней? – от волнения голос Звягина стал хриплым, будто жестокая ангина сдавила горло.

– К сожалению, я поторопился с выпиской. Обычно сотрясение мозга не несет каких-то страшных последствий. Но вот очень редко наблюдаются осложнения в виде психозов, когда у человека появляются галлюцинации, бред, искажение восприятия реальности. Что и случилось с Анной.

У Яра снова заныло сердце, он не мог понять, что с ним произошло. Но он чувствовал, что не волновался бы так за себя, как сейчас переживает за Аню. Мысленно произнеся ее имя в таком мягком варианте, он понял, что его стройной системе взглядов на жизнь пришел конец.

– Ярослав Платоныч! Придержите ее, нужно сделать укол, – доктор отвлек его от размышлений.

Постепенно всхлипывания Анны стали тише. Она начала успокаиваться, но руки, судорожно обхватившие шею Яра, разжать она не могла.

А мужчина, кажущийся незыблемой скалой, всегда спокойный и уверенный, сейчас пытался собрать воедино все мысли, которые, как наглядная иллюстрация Броуновского движения, хаотично и неконтролируемо носились в голове.

Первое. Он никогда не носил женщин на руках. Ну вот не понимал он этого. Зато сейчас, даже глубоко переживая за Анну, он тонул в невероятной нежности. Это ощущение ни с чем нельзя сравнить – ни с жаркими объятиями, ни с самой близостью. Нести женщину на руках – это так здорово! Она тебе доверилась, она покорена тобой, она беззащитна! Вот чего не хватало в его понимании женско-мужских – отношений! Женщина – не равноправный партнер, она не соратник, не Клара Цеткин и Роза Люксембург. Женщина – это хрупкий цветок, который нужно защищать, оберегать. И, думая, что Анна находится под действием лекарства и не заметит его вольности, неслышно поцеловал ее шелковистые волосы, на мгновение захватив губами выбившуюся тонкую прядь. Волосинки, скользнувшие по его коже, отдались чуть ли не электрическим разрядом – настолько оголенными казались сейчас его нервы.

Пытаясь придать своим мыслям хоть какую –нибудь стройность, он вспомнил, что за цифрой один идет два. И второй вопрос, который и вселял какую-то щемящую радость и отчаянную боль от невозможности воспользоваться радостью. Анна, в полубезумном состоянии бросилась на шею к нему, а не к Колоскову. То есть, неосознанно она стремилась к нему. Анечка, девочка моя милая!

– Ярослав Платоныч! Переложите ее на кровать. Она должна отдохнуть, а она в вас вцепилась, как бультерьер.

С глубоким сожалением Яр осторожно разжал руки девушки, задерживая их в своих ладонях и отчаянно борясь с искушением зацеловать ее тонкие пальчики.

Анна встревоженно посмотрела на него, и душу Яра снова будто окатило теплой бархатной волной.

– Все хорошо. Вам нужно отдохнуть. Но я буду здесь. Я никуда не уйду.

Не в силах вымолвить ни слова, девушка разрешила уложить себя в кровать, но руку Яра не отпускала до тех пор, пока не забылась тревожным сном.

Глава 5

Осознавая, что нужно все-таки вернуться к работе, Ярослав медлил с уходом. А вдруг, когда Аня проснется, у нее опять приключится истерика?! И если галлюцинации повторятся, не дай Бог (Яр опять непроизвольно упомянул Бога) ей какие-нибудь психотропные препараты начнут колоть. Неизвестно, что у кого на уме. Им главное, чтоб пациент не бушевал, а то, что могут произойти необратимые изменения – это их не интересует. Сколько таких случаев!

Он снова сел на стул и взял аккуратную ладошку Анны в свою. Он нежно гладил ее, проводя по линиям судьбы, с сожалением понимая, что эти линии с его собственными никогда не пересекутся. Затем трепетно поднес к губам, покрывая легкими, как касание крыльев бабочки, поцелуями.

Что же это с ним творится? Звягин, невозмутимый, предсказуемый, до мозга костей логичный, сейчас совершенно нелогично вместо скрупулезного изучения документов сидит у постели больной девушки, с которой едва знаком.

Но бросать в беде было не в правилах Звягина. Из-за него она оказалась здесь, значит, он и должен позаботиться.

Как всегда, он нашел рациональное объяснение своему порыву.

То, что Анна здорова психически, он не сомневался. Она воплощение жизни, энергии, задора. И ни грамма какой-нибудь экзальтированности или «чудаковатости». Но последствия сотрясения оказались более серьезными, чем обычно бывают. И нужно, чтобы ее посмотрел ас в своем деле. До того момента к ней нельзя никого подпускать.

Он достал телефон, искренне веря в то, что абонент сможет бросить все дела и «прилететь» в Задонск.

– Варенька, душа, моя! Звягину ты позарез нужна!

– Ну, наконец-то я услышала эти слова! Свадебное платье заказывать? – собеседница Яра искренне рада была его звонку.

– Ты как всегда впереди паровоза! Помнишь, когда Саня учил с тобой времена глагола и попросил тебя образовать будущее время глагола любить?»

Варвара захохотала:

– Конечно, помню, я ответила: «выйти замуж»! Я ж тогда была уверена, что выйду замуж только за тебя.

– Ну, тогда не получилось, сейчас – тем более. Я старый, замученный жизнью холостяк, которому категорически противопоказано жениться на молодой и здоровой девушке, – отшутился Яр и, посерьезнев, добавил: – Сможешь приехать ко мне? Только очень срочно.

– Конечно, приеду, – Варвара Александровна Рогозина, родная сестра друга Яра и по счастливому стечению обстоятельств – уже известный врач-невролог, хорошо знала: если Ярослав Платоныч о чем-то попросил, значит, событие из разряда Мега.

– Давай изложи вкратце, что случилось, – скомандовала она и, выслушав ответ, спросила: – А сколько к вам ехать?

– Варя, я не знаю, моя машина в ремонте, поэтому я на поезде приехал. На твоём мустанге часа четыре, я думаю. Только, пожалуйста, не медли.

* * *

Антон, в бессильной ярости сжав кулаки, выскочил из приемного покоя, как только закрылась дверь за Звягиным, который, как настоящий Кощей Бессмертный, уносил Анну в свои чертоги.

Два чувства, будто два столкнувшихся циклона, грозили разорвать в клочья его душу. Страх за любимую девушку, будто железными кольцами, как у сказочного Железного Генриха, сжимал его сердце.

Что с ней случилось и почему она, уставившись именно на него, впала в такое состояние? Кто-кто, но он точно не мог ее испугать! Но, тем не менее, она от него шархнула и кинулась искать защиты у этого мерзавца.

Обида захлестывала, не позволяя ровно дышать. «Как он смеет! Хлыщ столичный! Старый сластолюбец, пора о вечном покое думать, а он девчонок соблазняет! Тем более – он женат. Каков подлец! И когда он только успел опутать своими паучьими сетями Анну?!»

В душе молодого человека уже бушевала настоящая буря, и ей нужен был выход. Антон кинулся к своей «лошадке», трясущимися руками не сразу попал в замок зажигания. Остервенело нажал на газ, будто вгоняя шпоры в бока преданного скакуна. Рванул с места и в воротах чуть не врезался в машину скорой помощи. За доли секунды он успел предотвратить аварию, резко крутанув руль влево и буквально взлетев на альпийскую горку. Днище машины испуганно заскрежетало, проехавшись по камням.

Водителю скорой некогда было устраивать разборки, он лишь гневно посигналил ненормальному шумихеру.

Антон выдохнул. Осознание предотвращенной катастрофы, словно выплеснутая в лицо ледяная вода, мгновенно привели его в чувство. И тут же укоризненно погрозив пальцем, совесть выдала строчки услышанной как-то песни.

Должна быть совесть у чекиста.

Не верю я дурной молве.

Когда с руками, братцы, чисто

Жар в сердце, холод в голове...

Сейчас он чуть не совершил преступление, следовательно, чуть не испачкал руки. Да что там руки! Он сейчас подвергал жизнь других людей опасности.

Жар в сердце... Там не жар, а пожар. Причем его разжигали совсем не благородные устремления. Там горели едким, как от зажженного пластика, дымом самые постыдные эмоции.

Объективно, он был неправ, вынося Звягину такие негативные суждения. Он не Кощей, а статный, подтянутый мужчина, с отсутствием даже малейшего намека на расплывчатость от невоздержанности. Несомненно, спортивный, с молниеносной реакцией.

Недавно, когда забирал от него кипу папок, неловким движением столкнулся со стола лампу и с ужасом смотрел, как она падает. Так Звягин, находящийся в двух метрах, сверхъестественным образом ее поймал. В тот момент Антон думал, что сейчас Ярослав Платоныч бросит на него взгляд Медузы Горгоны, который превратит его в каменное изваяние.

– Простите, – пролепетал он тогда, чуть ли не цепенея от страха.

– Забудьте, – коротко ответил Звягин и, как ни в чем ни бывало, вернулся к прерванному делу.

Продолжая разбор своих полетов, Антон должен был признать, что Звягин привлекателен, несмотря на довольно резкие черты лица. Седина, проглядывающая в его курчавых волосах, придавала его облику еще больше мужественности. Чертовски умен. Да и хлыщом его назвать тоже нельзя. Он не то что не пустил слюни при виде Лизы, он совершенно никак на нее не отреагировал, словно к нему игриво вошла не сексапильная молодая красотка, а пожилая шпалокладчица в рабочей одежде.

Единственное, в чем его можно было упрекнуть – это в том, что он женат и наглым образом охмуривает наивную, как ребенок, Аню. Наглым образом. Поймав себя на мысли, что опять выносит оценочное суждение, Антон оставил рассуждения на потом – необходимо было как-то спустаться с Олимпа, на который он так безрассудно взлетел.

Вышедшие покурить санитары сначала позубоскалили над незадачливым ездюком, но помогли поставить машину на четыре колеса.

Слава Богу, ничего не отвалилось, и «Ладочка», укоризненно фыркнув, повезла его на работу.

Однако тревога за Анну не отступала ни на минуту. Звягин не появился, значит, он все еще с ней. Ревность, как Лернейская гидра, уже приготовилась обвинить его душу смертельной хваткой, но Антон вспомнил клятву, данную давным –давно Анне и самому себе. Он провозгласил себя рыцарем ордена Святой Анны, и собственно избрал саму Анну в Дамы Сердца. Вот что значит не доучивать историю! Позже он понял, что совершать подвиги в честь Дамы Сердца и посвящать ей стихи – это обрекать себя на безответную любовь. Ибо Дама Сердца – это недоступный идеал. Часто это жена сюзерена.

И сейчас он с тоской понял, что Анна навсегда останется для него таким недоступным идеалом. Не понимая толком, как это могло случиться, он пришел к выводу, что Звягин теперь будет сюзереном, которому по праву будет принадлежать Анна. Хотя прав у него на это не может быть никаких. Однако даже будучи женатым, он, наверно, для женщин не терял своей привлекательности. Мысли от этой головоломки начали путаться, и не найдя никакого логического объяснения происходящему, он попытался сосредоточиться на работе.

Но не прошло и часа, как его позвали к телефону.

– Антон Андреич! Я так понимаю, что вы для Анны Викторовны не посторонний человек. Вы можете подъехать в больницу? – голос Великого и Ужасного звучал ровно, чуть глуховато.

– Да, конечно, а что случилось?! Что нужно?! – тревога опять заставила его сердце сжаться в комочек.

– Жду вас, – Антону показалось, что этот непроницаемый человек и так потратил на него слишком много слов.

И снова под насмешливыми взглядами санитаров он въехал в ворота больницы.

– Антон Андреич! Вы должны быть с ней все время. Я вызвал сюда высококлассного специалиста, поэтому никого, кроме него, к ней не подпускайте.

Глава 6

Антон сидел, как преданный пес, у постели Анны. Один раз попыталась медсестра зайти в палату со шприцем, но Колосков угрожающе приподнялся и сказал:

– Никаких уколов до осмотра специалистом!

– Доктор назначил! Я должна сделать укол! – женщина повысила голос.

Однако на Антона это не произвело никакого впечатления. Вообще-то женщин он сильно побаивался, и мать его часто сокрушалась по этому поводу. Она считала, что его закомутает какая-нибудь гром-баба и будет из него веревки вить.

Но в данном случае он стоял намертво. Безопасность Анны и тихое, но таящее в себе определенную угрозу, наставление Звягина сделали из него настоящего самурая.

– Вот себе и делайте! – сказал Антон и сам испугался своей дерзости. – Если попытаетесь призвать на помощь своих санитаров, я вызову ОМОН.

С этими словами Колосков решительно вытеснил медсестру за дверь.

Через час Анна тихонько завозилась в кровати и открыла глаза. Увидев Антона, она опять готова была забиться в истерику. Но молодой человек сделал попытку ее успокоить.

– Анечка, это я, Антон. Я никому не дам тебя в обиду. Я буду тебя защищать.

Анна все еще со страхом смотрела на него. Наконец, справившись с эмоциями, она очень тихо, так что Антон еле расслышал, с опаской спросила:

– А.. где?

Бедный Рыцарь, который уже дал себе обет не претендовать на сердце своей Дамы, все равно испытал болезненный укол ревности.

– На работе, – поникшим голосом ответил он.

Еще минуту назад Анна чувствовала слабость, но сейчас от шока она чуть не подпрыгнула.

– Ты с ума сошел?! – вскрикнула Анна. – Месяц назад похороны были!

– Анечка, не волнуйся, пожалуйста. Полежи, я с тобой посижу, – лоб Антона от волнения покрылся крупными каплями пота. Он понял, что важнейшую миссию, возложенную на него Громовержцем Звягиным он позорно провалил. И до приезда специалиста ему не удастся одному успокоить Анну. Вот только глаза открыла, уже спрашивает о Ярославе Платоныче и тут же его хоронит. Антону стало так плохо на душе, что он предпочел бы любую почку отдать или половину крови, лишь бы Аня была здорова. Ему так жалко стало ее, что глаза чуть ли не слезами наполнились.

– Антон, тебе плохо? Давай врача позову!

Антон сам был на грани истерики. Сердце мучительно сжалось и резко сократило количество ударов, одновременно сделав их в разы сильнее. Ему казалось, что этот набат стучит у него в ушах. Бедная Анечка! Сама не понимает, что больна, а беспокоится о его здоровье. Срочно звонить Звягину! К сожалению, только он может ее успокоить.

– Антон, где? – голос Анны стал требовательным.

– Все хорошо, сейчас я позвоню Ярославу Платонычу, и он приедет.

– Зачем? – диалог ей стал напоминать беседу глухого с немым.

– Ну ты же его спрашивала?

Анна удивленно посмотрела на друга.

– Я спрашивала, где Наташа Сидоркина. Она стояла рядом с тобой и звала меня.

«Час от часу не легче», – сокрушенно подумал Антон и вслух сказал:

– Наташу Сидоркину месяц назад похоронили. Ты только не волнуйся. Не нужно сейчас вспоминать о ней. Если хочешь, сходим к ней на кладбище, проведем.

– Ага, спасибо, если она в больнице меня звала, то там точно затащит к себе. Хотя в принципе мы с ней ладили. Может поэтому она и пришла ко мне, чтоб не скучно было, – словно забыв об Антоне, рассуждала вслух Анна.

Наконец-то она почувствовала, что что-то начинает проясняться. Глаза ее от удивления стали совсем круглыми, и она, глядя сквозь Антона, подняла руку с вытянутым указательным пальцем и почти обрадовано сказала:

– Точно! Она хотела забрать меня, потому что мне всегда свои секреты рассказывала, хоть мы и не были подругами. – В голосе девушки звучало воодушевление. Она делала логические умозаключения, и лицо ее с каждой минутой становилось все спокойнее.

– Мало ли что звала, правда, Тотошка?! Я ж могу и не ходить.

Нечеловеческое напряжение, сковывавшее Антона, тоже стало отступать. Понятно, что Аня не в себе, но не буйнит, в истерике не бьется, а значит до приезда супер-доктора она продержится. И, Слава Богу, что Звягину не позвонил.

А тем временем, столичный специалист, на которого возлагал надежды Звягин, Варвара, весело напевая, отправилась в неблизкий путь. Но он был совершенно не в тягость. Яр никогда ни о чем не просил, а ее долги перед ним росли в геометрической прогрессии. Начиная с того, что вызволил ее из лап бандитов, которые шантажировали Сашку, и заканчивая тем, что расстроил ее свадьбу с недостойным человеком. А уж если рассказывать, сколько крови она им с братом попила, пока была маленькой, так двухтомник точно издать можно.

Сашку редко отпускали гулять одного – в его обязанности входило следить за младшей сестрой, поэтому она таскалась за ними, как хвостик. Причем далеко не безобидный рудимент, а такой хвостике – управленец, который, чуть что, ехидно сощуривал свои карие глазки – вишенки и заявлял: «А я маме с папой расскажу». И брат с Яром наперебой старались ей угодить.

Она была не по годам развитым ребенком, эдаким Кевином в юбке, провокатором и подстрекателем.

Отец у них в семье был непререкаемым авторитетом, и его слово было нерушимо – мог лишить любого удовольствия, и это так сказать мягкий вид наказания.

И вот Варенька-ангелочек, пока Саша – Ярик (как их называли в обеих семьях) резались в морской бой, папа мирно читал газету, мама решала кроссворд, а бабушка вязала носки, вышла на середину зала и громко сделала заявление:

– А мне Саша – Ярик про секс рассказали!

Обстановка в квартире вмиг стала похожа на репродукцию картины «Перед грозой», и отчетливо стали слышны раскаты грома. Саша – Ярик, несмотря на увлеченность игрой, вырвали ручки из рук и замерли.

Папа сжал кулаки так, что они побелели. Медленно, угрожающе встал и направился к друзьям.

Довольная произведенным эффектом, Варенька сказала:

– И сказали, что идет за сексом.

Мама метнулась за корвалолом себе и бабушке. Даже наглый кот предпочел сделать вид, что проголодался и шмыгнул на кухню к своей миске.

– Сeven! – завершила Варя высказывание и обвела всех торжествующим взором. – Шесть, а за ним семь. Учите английский!

Потом она решила, что выйдет замуж за Яра и тем самым заложила основу нерушимой, как Великая Китайская стена, дружбы между Яром и Сашей. Ведь только истинная дружба способна выдержать такие испытания.

Яр не струсил, не бросил ее брата, но с тех пор заработал себе фобию – панически стал бояться всяческого давления на него, особенно со стороны женщин.

Именно по этой причине она никак и не могла рассчитывать на взаимность. Яр не смог бы примириться с ее огненным темпераментом и ее желанием всеми управлять.

Если в детстве это был Кевин в юбке, то сейчас – генерал Кевин.

И вот этот генерал, надев захваченный с собой халат, решительным шагом двинулся в больницу. Узнав, где находится Анна Громова, Варвара подошла к палате и открыла дверь.

Колосков, чтобы предупредить вторжение незнакомки, подскочил со стула и ринулся навстречу, истошно крича:

– Не положено! Не положено!

Однако он и не подозревал, что его порыв, самому казавшийся решительным, на самом деле был не что иное, как безобидное: «Ппуньк!»

Рослая, статная Варвара, как бульдозер, легко сдвинула его в сторону.

Девушка, в которую при комплектации забыли встроить опцию «а вдруг не получится», даже не подозревала, что ей в чем-то может кто-то воспрепятствовать. И сейчас она кинула на него свой фирменный взор, как у гоголевской Оксаны, убежденной, что нет ее на свете краше и низким, баюкающим голосом произнесла:

– Молодой человек! Это вам не положено присутствовать при осмотре! Я Варвара Александровна Рогозина, врач-невролог высшей категории.

И потерявший дар речи Колосков удалился, недоуменно покрутив головой и до конца не осознав: «Что это было?!»

Глава 7

Палата, в которой лежала Анна, сразу будто наполнилась солнцем, которого так не хватало здесь – все его радостные и животворящие лучи запутывались в мохнатых лапах елей, росших под окном. Варвара была своеобразным генератором света, энергии и позитива.

– Привет! Ой, какая хорошенькая...пандочка! – воскликнула она, подходя к кровати, на которой испуганно замерла Анна. – Ты только не обижайся, но, правда, хорошенькая, даже с этими кругами под глазами. Для тебя я Варвара!

– Аня, – не зная, как реагировать на приветствие этой широко улыбающейся шаровой молнии. – Но вы же врач?!

Варвара громко рассмеялась.

– Во-первых, я не намного старше тебя. Просто я вундеркинд, рано школу закончила, с первого на третий курс в институте перепрыгнула. А во-вторых, если Звягин попросил бросить все дела и приехать к тебе, значит, ты для него важный человек. Значит друг. А друг Звягина – мой друг!

Анна затаила дыхание. С чего она взяла, что Ярослав Платоныч ей друг? Этого просто не может быть! Но Варвара Александровна здесь, поэтому...Но спрашивать она не решилась.

– Кстати, именно ему мир обязан тем, что появилось такое светило науки, как я. Пишу докторскую.

– А как Ярослав Платоныч посодействовал этому? – Аня начала потихоньку расслабляться, поддаваясь магнетическому обаянию этой красивой, энергичной девушки.

– Да очень просто! В детстве я была несносным ребенком, и Саша – Ярик – это Яр Платоныч и мой родной брат – называли меня Кошмар улицы Заречье. Поехали мы к нам на дачу, мне тогда лет девять было. Пацаны на озеро, и я в обязательном порядке с ними. Сижу такая вся из себя девочка, с бантиками – мне ж не разрешали купаться, холодно еще было. Пока они там плавали, я книжку читала. Кстати, когда прочитала еще в семь лет Тома Сойера, я поняла, кто мой кумир.

Так вот, выходят они на берег, а я разгоняюсь и с криком: «А вот смотрите!» прыгаю с мостика и незаметно выныриваю под ним. Слышу топот у себя над головой – Сашка прыгнул в воду, ныряет, отфыркивается, снова ныряет. Я так залюбовалась этой картиной, что очнулась только тогда, когда почувствовала, что кто-то больно меня тянет за ухо. Ярик не поверил, что я могу утонуть, убежденный, что г...о не тонет. И, вытащив меня на берег, не обращая внимания на мои коронные визги «Маме с папой расскажу», начал сурово отчитывать:

– Вы, Варвара Александровна, маленькое, бесполезное существо, которое портит всем без исключения нервы и приносит одни неприятности. Как только вам исполнится восемнадцать лет, и мой многострадальный друг освободится от обязанности отвечать за вас, можете забыть, как меня зовут, и что я столько лет был вам второй нянькой. Я вас больше знать не буду!

Я испугалась, потому как уже влюблена была в него и спрашиваю:

– А как тебе вернуть испорченные нервы?

На что Яр ответил:

– Иди на доктора учись. Умеешь портить, так научись и лечить!

То ли он серьезно говорил, то ли просто в гневе, но эти слова мне запали в душу. И вот я врач, который приехал специально, чтобы выяснить, кто тебе нервы портил и наказать его.

Анна уже от души хохотала, представив эту картину. От ее страха и волнения не осталось и следа, и она уже готова была рассказать Варваре Александровне обо всем, что с ней случилось.

И Варвара, взяв Анну за руку и внимательно глядя ей в глаза, приготовилась слушать.

– Ну, ничего страшного, с привидениями мы разберемся, – бодро резюмировала Варвара, хотя далеко не была уверена в этом. – Ты главное, их не бойся. Сейчас я гляну твою медкарту, какие назначения были сделаны, и мы решим, что делать дальше.

Анна полностью доверилась Варваре – в ней было столько решительности и активности, что наверняка все привидения Задонска уже запаковали чемоданы и полетели искать более темное и сырое место.

Вернувшись в палату, Варвара продолжила весело:

– Так, у тебя день рождения скоро. Пригласишь? Я решила побыть здесь несколько дней, взяла отгулы – Яр сказал, что природа у вас тут замечательная. Отдохну, а заодно и за тобой присмотрю. Так что? Ты с родителями празднуешь или с друзьями?

Глаза Анны, в которых до этого момента переливались искринки улыбки, как-то разом потухли и будто подернулись пеленой боли.

– У меня не бывает дней рождения, – тихо промолвила она.

У Вари, не знавшей, что такое плохое настроение, екнуло сердце.

– Анечка, что случилось? – враз посерьезнев, спросила она.

– У меня папа врач, мама – медсестра, они все время были вместе, работали по контракту за границей. До семи лет я с ними жила, поэтому свободно говорю на английском и французском. Потом им нужно было поехать туда, где шла война.

Анна замолкла, потому что годы не смогли смягчить боль, и немного помолчав, собираясь с силами, с дрожью в голосе продолжила. – Меня отправили к бабушке, а они погибли. И я отказалась от празднования дней рождения вообще. Во-первых, у бабушки было мало денег, чтоб организовать торжество, во-вторых, я бы все равно сравнивала с теми праздниками, которые устраивали родители. И в-третьих, у меня, кроме Тотошки, не было близких друзей. Я всегда была на виду, в гуще событий, но близко ни с кем не сходилась. Вот как-то странно. Наверно, и я какая-то странная...

Анна прикрыла глаза, потому что слезы уже готовы были побежать по щекам. Она смирилась с потерей, могла спокойно сказать о том, что родители погибли. Про то, что день рождения она не отмечает, тоже могла говорить, не теряя бодрого расположения духа. Но комбинация: родители – день рождения – сложилась впервые. И Анна тихонько заплакала.

Варвара расстроилась сама. Ее интуитивное умение находить больные места всегда ей помогало в работе. Однако сейчас, сама того не желая, причинила девушке боль.

– Анечка, прости! – воскликнула она и прижала ее к своей груди. – ну давай вместе поплачем!

Варвара выключила режим «доктора» и стала такой же девчонкой, искренне сочувствующей этому маленькому одинокому цыпленку, который уже не сдерживаясь, рыдал в три ручья.

Анна, наплакавшись на груди Варвары, намочив слезами весь ее халат, неожиданно почувствовала, как что-то в ее душе всколыхнулось, будто кусок льда, иногда мешавший легко и радостно вздохнуть, вдруг превратился в пар и растаял.

– Варвара Алекс..., – начала было Анна, но под укоризненным взглядом Вари исправилась: – Варвара! Я вам, ... тебе очень благодарна. У меня такое чувство, будто мне только что было семь лет, и я поговорила с родителями. И они велели мне не плакать о них. Они вместе.

– Ну вот и чудесно, – Варвара вздохнула с облегчением. – Собирайся, я отвезу тебя домой. Яр мне номер в гостинице забронировал, поэтому сейчас переоденусь и на пляж. А ты – лежать!

* * *

Сдав Анну с рук в руки Дарье Петровне, Варвара понеслась к зданию полиции.

Телефон Звягина не отвечал, и девушка начала подумывать о штурме. Но тут вышел молодой человек, которого она вытеснила из палаты Анны. Увидев ее, он потерянно покраснел и хотел было шмыгнуть мимо. Однако не тут-то было.

Совершив неподражаемый финт шикарным бедром, Варвара перегородила ему путь.

– Простите, э... – сделала она паузу для того, чтобы тот представился.

Колосков был малый сообразительный, поэтому несмотря на крайнюю степень смущения, ее «э» истолковал правильно.

– Антон Андреич, – затем добавил для солидности: – Колосков.

Варвара, солнечно улыбаясь, попросила его найти и привести к ней Звягина. Не зная, как отнесется Яр Платоныч к его вторжению, тем не менее он больше опасался не выполнить просьбу этой необычной «докторши».

И спустя несколько минут Варвара уже повисла всем своим далеко не тщедушным телом на шее Звягина, а после этого весело начала тискать спаниеля.

– Ярик, Пудька!!! Как я рада вас видеть. Не знаю, какие у вас были планы, но сейчас мы в гостиницу, переодеваемся, ну Пудька может сменить свой ремешок на резиновый, и едем купаться. А затем я вас посвящу в еще один мой план.

Глава 8

– Ну что, Ярик! Наконец-то ты влюбился?! – торжествующе провозгласила Варвара, когда они, накупавшись, растянулись на берегу.

Пудинг на брюхе подполз к девушке и одобрительно лизнул ее в лицо.

– Фу, Пудька! Зачем меня облизывал?! – притворно возмущенно воскликнула она.

«Зачем, зачем! Затем, чтобы Ярослав Платоныч, наконец, осознал, что так жить нельзя! Что нужно с Анной Викторовной дружить! – подумал пес, надеясь, что хоть Варвара Александровна уму – разуму научит. – Сразу видно, что ее слушаются с полуслова. Вон Колосков, как вышел из здания вместе с нами, так и стоял, как вкопанный, пока мы не уехали».

От неожиданности Звягин закашлялся.

– С чего ты это взяла? Ты же знаешь, этого понятия для меня не существует! – запротестовал он.

– А тогда скажи мне, друг милый, почему ты отправился ее забирать из больницы? У нее, что, родственников, друзей нет? Почему ты?

На пикниках, когда они собирались всей компанией, Яр любил схлестнуться с Варварой в интеллектуальном поединке. Ее явно неженский ум просчитывал множество комбинаций, и выиграть у нее было не простым делом. Вот и сейчас она задала вопрос, на который у него не было ответа. Но привыкнув к соревнованию, Звягин начал быстро соображать.

– Элементарно, Варвара. Я привез ее в больницу, и доктор почему-то решил, что она моя девушка. И сказал, что через три дня при хорошем раскладе я могу ее забрать. И не приехать за ней – это значило бы поставить ее в неловкую ситуацию. Получилось бы, что мужчина есть, но за ней приехать не соизволил. Ты сама знаешь, я не люблю, чтобы женщины из-за меня испытывали какие-нибудь негативные переживания.

– Бинго! – воскликнула Варвара, – выкрутился! А теперь слушай правильный ответ! Ты своей сыщицкой чуйкой просто почувствовал, что забирать ее некому. Она сирота, с семи лет живет с бабушкой. Учится на инжызе в МГУ. На жизнь зарабатывает репетиторством. И все равно ты влюбился! Потому что она особенная. Такой нежный, хрупкий и в то же время стойкий цыпленок. Мне так жалко ее! И она никогда не отмечает дни рождения, а в воскресенье как раз этот день! И мы ей сделаем сюрприз.

– Варвара Александровна! Вам не кажется, что вы суете свой не слишком длинный, но чрезвычайно любопытный нос, куда не следует?! Напомнить пословицу? – Звягин начал злиться. Свою личную жизнь он не собирался ни с кем обсуждать, тем более и обсуждать было нечего.

Видя, что Яр набычился, Варвара улыбнулась. Поскольку для нее было только два мнения – ее и неправильное, она всегда терпеливо объясняла всем несогласным, в чем они неправы. А уж обижаться она вообще не умела.

– Ярик, ну давай посмотрим правде в глаза. Эта девочка – просто сокровище. И ты старый, замшелый пень влюбился. Хотя всему миру ты заявил, что ты любовный нигилист. И теперь, как упрямый осел, просто не хочешь отказываться от своих слов. Кстати, когда я упомянула о тебе, она вспыхнула румянцем, засмушалась, как дитя.

И Варвара своим наметанным глазом безошибочно распознала мелькнувшую тень радости на лице Яра, быстро сменившуюся напускной серьезностью.

– Ладно, сделаю для тебя исключение. Нас жизнь, действительно, несколько раз столкнула. Даже Пудик начал за ней ухаживать.

Пудинг, услышав, о чем идет речь, одобрительно твякнул.

– Она, и правда, сокровище, и мне нравится. Как человек. Но ты знаешь, предпочитаемый мной женский типаж – это совсем не Анна. Рядом с собой я вижу ухоженную интеллектуалку, миниатюрную, с чувством юмора, брюнетку.

– А что ж ты на мне не женился?! Я ради тебя, может, и стала бы миниатюрной, а теперь...

– Варенька, от тебя даже лампочки взрываются, а что уж говорить о моем нежном мозге?! Да и потом, отношения с тобой – это самый настоящий инцест. Ты ж для меня как сестра!

– Да я шучу. Я знаю, что ты меня не выдержишь долго, – со смехом согласилась она и, пару секунд помолчав, сказала, будто сообщила родственникам больного о его неизлечимой болезни..., – А теперь ты снова ищешь копию Жанны. Звягин, ты сумасшедший...

Да и сам Звягин, похоже, готов был в этом согласиться с Варварой. Но речь шла не о Жанне, потому что озвученный предпочитаемый женский тип был просто вынут им из архива памяти, где успел уже основательно покрыться пылью, хорошо, если не плесенью.

– Ярослав Платоныч! Помнится, вы меня не послушали, когда решили жениться на Жанне. А я говорила, что не надо. А вот теперь говорю – надо!

Минуты откровения, когда душа Яра делала День открытых дверей, за всю его жизнь можно было пересчитать по пальцам одной руки. Но Варвара без его ведома уже залезла ему под кожу, надавила на больное, на то, что он сам не мог понять и сформулировать. И к тому же кое-что человеческое ему было все-таки не чуждо – он сгорал от желания с кем-то поговорить об Анне.

– От ее смеха в моей душе, похожей на таблицу логарифмов, словно какие-то цветочки распускаются – вот лотосы, что ли... Она как инопланетянка. Чистая, прозрачная, звонкая. Голову даю на отсечение, что она еще невинна. Максимум – пара слюнявых поцелуев, после которых она рукавом вытерла губы. Но мы не можем быть вместе. Я испорчу ей жизнь, а она, как никто другой, достойна счастья. Поверь, я не могу к ней приближаться.

– Звягин, ты дурак! Судьбоносная встреча – это не тринадцатая зарплата! Проморгаешь – и все, больше никогда. Ну и что, что старше? Нина была моложе Грибоедова на семнадцать лет, а история их любви до сих пор пробирает до мурашек. Кстати, Анечке в воскресенье уже двадцать два будет. И к тому же ты вполне себе хорош.

– Варвара Александровна! Я могу быть ей, как и вам, только другом. И давайте больше об этом не будем говорить.

Судя по тому, как Варвара огорченно вздохнула и поджала губы, Пудинг сделал вывод, что Яр Платоныч не желал внимать доводам разума, и решил выразить свой собачий протест. Он отошел немного в сторону и принялся задними лапами резко выгребать песок в сторону хозяина. Варвара торжествующе посмотрела на Яра – даже пес – и тот был с ней заодно.

Но идею насчет ресторана Ярослав Платоныч поддержал.

* * *

Они заказали дальний столик, чтобы не так громко была слышна музыка.

Гелевые разноцветные шары, прилипшие к потолку, приветливо покачивали своими «хвостиками». Стол украшала корзинка с голубыми орхидеями.

Звягин решил, что такие цветы будут отражать небесную голубизну аниных глаз.

Анна, тронутая до глубины души, никак не могла совладать с волнением. Посторонние люди, если не считать Тототку, сделали для нее такой подарок. Конечно, Варвара сказала, что они с Ярославом все равно хотели посидеть в ресторане, а раз у нее день рождения, то, получается, совместили два мероприятия, и Антона пригласили, потому что он тоже хотел бы ее поздравить. И хотя ей было неловко принимать такое предложение, но не родился еще тот человек, который смог бы отказать Варваре.

Она же и явилась главным распорядителем праздника. Неловкость первых минут она сгладила краткими историями из детства, слушая которые Антон с Аней хохотали, а Яр пытался делать серьезный вид, пряча улыбку в лучиках легких морщинок в уголках глаз.

– Да и вот посмотрите, кто бы мог подумать, что это исчадие ада превратится в классного специалиста и хорошего человека? – взял слово Звягин и продолжил рассказ Варвары, поделившись своими впечатлениями от пережитого.

Анна, сидевшая напротив Яра, затаив дыхание, слушала его. Увлечшись, она оперла голову на кулачок, неосознанно развернув запястье в его сторону.

И Звягин оборвал свою речь на полуслове. Он не мог оторвать взгляд от запястья Анны. Что-то такое трогательно – беззащитное было в этом жесте, что у него перехватило дыхание. Мучительное желание прикоснуться, нежно погладить захлестнуло его, лишив дара речи. Отчаянно пытаясь спасти положение, Яр сделал вид, что закашлялся, налил в стакан воды, и кивком головы предложил Варваре продолжить.

Он вспомнил, как девчонки в его юности разглядывали узоры из вен, пытаясь угадать имя суженого, а они мальчишки нарочито смеялись, но тайком, подстегиваемые любопытством, тоже не гнушались расшифровать эту тайнопись. Сейчас он, словно мальчишка, отчаянно пытался рассмотреть, какие же буквы судьба нарисовала на руке Анны. Решительно отгоняя от себя эту мысль и неизменно возвращаясь к ней, он хотел верить, что голубые венки под кожей девушки с рождения образовали вензель в виде буквы Я.

И уже совсем чувствуя себя сумасшедшим, усилием воли подавил желание расстегнуть манжеты и глянуть на свои руки.

Наваждение не проходило. Ее хрупкое запястье сводило его с ума, он будто чувствовал нежность ее кожи под своими губами. Мысленно он покрывал его медленными поцелуями.

Понимая, что нужно поддерживать диалог, Яр, тем не менее, никак не мог этого сделать.

Заиграла музыка, и чарующие аккорды самой популярной ресторанной танцевальной песни «Ах, какая женщина!» заставили посетителей зашевелиться.

– Кавалеры приглашают дам, я приглашаю именинницу, – со всей церемонной торжественностью провозгласил Яр и, обойдя стол, взял Анну за руку.

Лет десять назад, Варвара бы не удержалась и «спалила» бы его с потрохами. В отношении танцев у Звягина был пунктик – он терпеть не мог медленные танцы, сравнивая нелепо топчущиеся на месте пары с дрессированными медведями.

Бережно сжимая одной рукой ладошку Анны, вторую он положил на ее гибкую талию. Как и в первый раз, когда девушка оказалась в его руках, его тело всколыхнула волна чувственности. Родившись в области солнечного сплетения, она спустилась ниже, обожгла пах и сильно затруднила свободу движения, сделала ноги чуть ли не ватными.

Несмотря на наслаждение, которое получало тело, мозг Звягина, никогда не находившийся в состоянии безделья, выдал ответ на мучавший его вопрос: почему один жест девушки сразил его наповал.

Много лет назад по делу свидетельницей проходила одна эзотеричка, которая «заспамила» ненужной, как он тогда посчитал, информацией. Она сказала, что кроме семи известных энергетических центров – чакр, существуют вспомогательные, но не менее важные. Те, которые во многих культурах с давних времен закрывают браслетами, бусами, чтобы оградить себя от негативного воздействия недобрых людей, от сглаза, порчи. Это шея, лодыжки и запястья.

И сейчас в нем словно проснулся какой-то древний шаманский дух, испугавшийся за безопасность Анны. Ведь бессознательно открытое навстречу взгляду запястье трогательно говорило о беззащитности и желании довериться.

Яр чуть не вздрогнул. Это откровение наложилось на уже имевшуюся информацию, о том, что Анна сирота, и обеспечило его душе настоящую бурю. Он словно всей кожей, всеми нервами почувствовал хрупкость этой девушки, ее тщательно скрываемое, болезненное одиночество.

И вопреки воплям беспристрастного ума, ему мучительно захотелось закрыть ее от всего мира, беречь, как нежный цветок, баловать, как ребенка.

И когда закончился танец, перед тем как отвести Анну на место, он не удержался, перевернул ее руку и приник губами к прозрачной, словно тончайший шелк коже запястья. Ему даже показалось, что он чувствует выпуклый узор голубых веночек. Из всех сил борясь с искушением, обзывая себя мальчишкой и другими, менее благозвучными словами, он все-таки взглянул на возможное послание судьбы.

Глава 9

«Ярослав Платоныч! Не впадай в детство!» – сказал он сам себе и все равно посмотрел на руку девушки. И будто мальчишка, получивший долгожданный подарок, счастливо и глупо заулыбался. Потом, осознав, что выглядит со стороны не совсем подходящим образом, быстро попытался стереть следы «преступления» с лица. Однако испуганно-смущенный возглас: «Ой!», который вырвался у Анны, подлил масла в огонь, и Звягин окончательно решил сейчас быть счастливым.

Он шкодливо чмокнул Анну в середину ладошки и быстренько постарался придать себе максимально сдержанный вид. И церемонно произнес:

– Благодарю за танец!

Произошедшее настолько шокировало Анну, что она не нашлась, что ответить. Ибо то, что было в голове, озвучить не представлялось возможным. Ведь все ее мысли вращались вокруг невысказанной фразы: «В ваших объятиях я согласилась бы и на второй».

И поскольку тело и у Анны начало отдельное существование от мозга, то, видя полную несостоятельность последнего, взяло на себя решение о выходе из щекотливой ситуации. Девушка непроизвольно сделала реверанс, застенчиво улыбнулась и мило покраснела.

Яр, видя такую реакцию Анны, окончательно растаял. Опять какой-то теплый котенок завозился в его душе, мурлыча и нежно разминая лапками его давным-давно забытые разумом в самый дальний угол чувства.

Он провел свою юную прекрасную даму к ее месту, и с удивлением заметил, что вторая часть их компании еще не вернулась к столу. Варвара с Антоном, увлекшись танцем, оказались в другом конце зала.

И пара минут, которые им осталось провести наедине стали серьезным испытанием. Их нельзя было заполнить великосветским, ничего не значащим трепом. Погода и литература были не теми темами, которые волновали их сейчас. Яр увидел на лице Ани промелькнувшую грустинку. Он и сейчас не мог успокоить сердце, которое вблизи Анны забилось чаще и горячеей. Руки все еще чувствовали теплоту и нежность ее тела, которое в танце чутко отзывалось на каждое его движение.

Мозг, всегда выполнявший руководящую и направляющую функцию, по привычке пытался качать права, говорить о том, что между ними ничего быть не может и он не имеет права даже малейшим намеком показать свою заинтересованность.

Тело безапелляционно заявило о своем выборе, авторитетно подчеркнув, что никогда ему не доставляло такого удовольствия простое прикосновение к женщине. Ну, конечно, не простое. В его объятиях она оказывается не первый раз, и раз от разу оно все ярче и ярче реагирует.

А бедная Душа, которую Хозяин в расчет вообще никогда не принимал и слова не давал, начала готовить бунт. Для начала надо напомнить, что даже такое чувство, как радость, идет не от оценки уважаемым Мозгом того или иного события, а от Души. Как пример – им принесли билеты на благотворительный бал, и ему довелось танцевать с «Мисс Россия» свежего выпуска. И что? Мозг сказал: «Круто!», а что сказала Тело? Ничего. И не то что радости, даже сквозняком радости не потянуло. А эту девочку только взял за ладошку и забыл обо всем на свете.

И чем объяснить, как не приоритетом Души тот факт, что отчетливо увидев на руке Анны букву «Я», чуть не запрыгал от счастья. Хотя прекрасно понимал, что это чистая случайность, и что Тело алфавита не знает.

Бурную дискуссию прервали вернувшиеся к столику Варвара с Колосковым.

Судя по красному лицу молодого человека, его неугомонная подруга основательно поиздевалась над парнем. Она может кого угодно вогнать в краску. И, действительно, Антон поте-

рянно посмотрел на Анну, как бы ища у нее поддержки, потому что сам он был в растерянности.

Варвара отлично двигалась. Антон вначале опасался, что, как всегда и везде, она будет лидировать. И как он был удивлен, когда она мягко и доверчиво положила руку ему на плечо, улыбнулась и сказала: «Ведите меня».

Ведите, легко сказать. Мало того, что он был стеснительным по натуре, так и с девушками у него не было никакого опыта общения. Анюта – это совсем другое, нечто эфемерное, неуловимое. Как ртуть. А тут настоящая, живая женщина, которая позволила обнять себя за талию.

Опустив глаза, он чуть не задохнулся от восторга. На расстоянии каких-то двадцати сантиметров находилась упругая, большая грудь Варвары. То, что позволял видеть вырез на платье, казалось вершиной айсберга. Только не холодного, а пышущего жаром и страстью. Поймав себя на таких мыслях, он непроизвольно покраснел до корней волос, что при его светлых волосах было особенно заметно. Естественно, от партнерши не укрылся этот факт, и она лукаво посмотрела на Антона.

Казалось, она забавлялась его смущением. Антоша чувствовал себя мышкой, которую поймала сытая кошка: есть сейчас не собирается, поэтому позволяет добыче думать, что у нее есть выбор.

Однако, несмотря на неловкость, которую он испытывал, танец доставил ему невероятное удовольствие. Проводив Варвару к столу, он поцеловал ей руку – пример Звягина придал ему решимости.

Безудержное веселье покинуло эту компанию, решив, что тут и без него обойдутся, ибо есть над чем подумать.

Все четверо почувствовали, что один танец куда-то, причем совершенно непонятно куда, сдвинул вектор Судьбы.

Поэтому посидев еще немного, дамы вспомнили, что у них есть веская причина отправиться домой. У Анны – нарушенный постельный режим, а Варваре с утра предстоит дальняя дорога. А мужчины с сожалением вынуждены были согласиться с этим.

Вопрос с тем, как добираться из ресторана (находился он в отдалении от города, на территории довольно приличного санатория), даже не возникал. Колосков не употреблял спиртное, поэтому его скромная, но бодренькая лошадка с готовностью предоставила себя к услугам.

Антон, переполненный чувством ответственности, галантно открыл задние двери дамам. Причем сделал это так быстро, что Звягин, расслабленный коньяком и раздумьями, не успел за ним.

Дорога, занявшая около получаса, прошла в совершенно нейтральной беседе. Прекрасно выбранное место для санатория, красивый интерьер ресторана, хорошо приготовленные блюда, приятное обслуживание – список тем позволял каждому формально участвовать в диалоге, не отвлекаясь от своих внутренних переживаний.

Сначала завезли Анну домой. Здесь уже Звягин был начеку и вышел одновременно с Антоном, чтобы попрощаться с ней.

Анна уже подставила ладонь, чтобы Антон шлепнул по ней своей с традиционным: «Пока!», однако молодой человек разорвал шаблон. Он взял ее руку и поцеловал. Подсмотренный у Звягина великосветский ритуал ему очень понравился, так как позволял перейти на другой уровень общения с женщинами.

Затем со словами: «Благодарю за прекрасный вечер!» последовал его примеру и Ярослав Платоныч.

Возле гостиницы Звягин уже не претендовал на ухаживание за дамой, полностью предоставив Антону право побыть кавалером.

Открыв дверцу машины, молодой человек подал руку Варваре, помог ей выбраться и, не выпуская ее ладонь из своей, поцеловал. И не считая зазорным, снова скопировал манеру Звягина.

Набравшись храбрости, он посмотрел Варваре в глаза и церемонно произнес:

– Благодарю за прекрасный вечер!

Глава 10

Переступив порог номера, Звягин чуть не споткнулся о Пудика, который давно слышал шаги хозяина и теперь, радостно стуча хвостом по полу, ждал его прямо под дверью.

– Пудинг! Чуть не убился из-за тебя! Гулять пойдешь? – задал он дежурный вопрос, потому что независимо от времени прихода хозяина гулять он хотел всегда. Даже если незадолго до этого его специально выгуливали. – Только недолго, спать пора.

И пес, понимая, что от него зависит драгоценный сон Хозяина, действительно, отсутствовал недолго. Яр только успел снять пиджак, жилет и развязать галстук. Одна мысль не давала ему покоя. Как ни старался, он не мог отвлечься.

Расстегнув ворот рубахи, он помедлил и достал коньяк. Спиртное какого-то сокрушительного действия на него никогда не оказывало, но всегда помогало снять усталость и скрасить его волчье одиночество.

Сегодня на этот благородный напиток возлагалась более ответственная миссия. Ему предстояло снизить градус остроты ощущений, попросту помочь стереть из памяти те волшебные минуты, которые он провел рядом с этой девочкой. С Аней. С Анечкой.

Выпить вторую рюмку не дал Пудинг, громким тьявканьем известивший о своем приходе. Спаниель сморщил нос, демонстративно отвернулся, давая понять, что не одобряет такой способ релаксации. Однако долго морализировать он не мог, поскольку переживал за Яра Платоныча. Всегда выдержанный, железобетонно спокойный, сейчас он был сам не свой. Пудинг поставил передние лапы на колени хозяина, лизнул ему руку и вопросительно посмотрел.

Далеко не щедрый на ласки Звягин погладил пса и сказал:

– Все хорошо...

Интересно, а что именно хорошо? То, что пришел поздно, уже с запахом спиртного и вместо того, чтобы идти в душ и спать, сидит тут с отсутствующим видом, наливается коньяком и, кажется, никак не может на что-то решиться?!

Пудинг озабоченно тьявкнул, стараясь вернуть Хозяина к действительности.

А тот, выпив коньяк, по-мальчишески усмехнулся и решительно закатал рукава любимой белой рубахи. Соединив предплечья и кисти, он устался на оба запястья. Левая рука украшена была каким-то нечитаемым иероглифом, а на правой, начинаясь от кольца, очерчивающего запястье, расходились из одной точки две линии, через пару сантиметров перекрещенные еще одной голубой жилкой. Случайно или нет, но буква «А» читалась однозначно.

«Ну есть у вас буквы на запястьях? Что из этого?» – прагматичный Разум не видел ничего особенного в совпадениях. Он считал это особенностями анатомии. На что Душа, получившая право голоса благодаря коньяку и воспоминаниям Тела, активно возразила. Она напомнила, что без сердечных привязанностей человек просто универсальная машина, что жизнь состоит из тех моментов, которые окрашены эмоционально. И собственно, если нет в памяти ничего яркого, то окажется в конце концов, что и не жил вовсе. А так, тлел, как головешка.

Безупречно рассудительный Разум возразил, что жизнь наполняется смыслом от работы, от общения друзьями, с книгами. «А кого ты согрел, кто без тебя жить не может?»

Поняв, что снова внутри пошел какой-то раздрай, и чтобы прекратить его, Яр решил использовать проверенный способ. Он достал блокнот и попытался графически изобразить проблему. Расположив его горизонтально, он на одном конце странички нарисовал букву «А», затем поставив ряд точек, соответствующих пропущенным буквам, на другом вывел «Я». Удовлетворенно вздохнув, он показал сентиментальному оппоненту пропасть, polegшую между ними. Пропасть во все мироздание, все понятия от А до Я стояли между ними. Вырвав листок, он хотел его скомкать и выбросить, но затем, чтобы неповадно было кое-кому затевать смуту,

аккуратно подогнул по всей длине лист выше и ниже буквенного ряда, так, что можно было поставить на стол в виде напоминания.

До сих пор молча исполнявшие хозяйскую волю руки, воспользовавшись тем, что торжествующий Разум упивался победой, загладили лист в одну полосочку. А затем свернули ее в кольцо. И буквы, между которыми находилась вся Вселенная, стали рядышком. «А» и «Я» оказались такими близкими, что между ними уже не было ничего. Никаких препятствий, никаких запретов.

Звягин озадаченно посмотрел на свою оригами, отказываясь размышлять на эту тему дальше. Неподвластная логике его часть «легким движением» превратила все напыщенные умозаключения в лопнувший мыльный пузырь.

Ну раз доводы Разума оказались временно неактуальными, то почему бы и дальше не делать то, чего просит Душа?

И воплощенный эталон рассудительности и сдержанности весело посмотрел на верного пса и спросил:

– Хочешь гулять?

Пудинг удивленно глянул на него и заподозрил неладное. Вернее, ладное, то, что давно нужно было сделать.

– Давай пройдемся к дому Ани и оставим что-нибудь на память!

Пес подскочил – в заначке у него давно лежала косточка! Звягин улыбнулся. Косточка даже лучше букета цветов, который он собрался идти искать в круглосуточных магазинах. Анне будет приятно, и можно будет (мысленно он показал язык своим оппонентам) остаться инкогнито.

* * *

В этой же гостинице Варвара, удивляясь сама себе, не могла уснуть. Что было с ней чуть ли не впервые в жизни. Что ее мучило?

Увлеченная работой, карьерой, она не замечала быстрого полета времени. Ей скоро тридцать, а мужа и детей нет. Многие современные барышни и не задумываются над этим. Но она выросла в традиционной семье и хотела бы иметь такую же. Хотя с другой стороны, если родится дочь и пойдет в нее... то количество бессонных ночей будет напрямую зависеть от уровня шкодливости чада. Ну ладно. Пусть не семья. Но и любимого человека у нее не было. Она вспомнила сегодняшний вечер и этого трогательного, неиспорченного юношу. Вот кто может быть верным и преданным. Не то что ее последний Валерик, которого привлекает ее внешняя оболочка, ее статус, отдельная квартира. Но если коснется чего-то важного – на него рассчитывать нельзя.

Жаль, что Антон такой молодой. Жаль, что он влюблен в Анну. Некое подобие обиды или даже зависти зашевелилось в ее душе. Почему два достойных мужчины влюблены не в нее? Потому что на каждый котелок находится своя крышка. Значит, она такой нестандартный котелок, крышку к которому нужно делать на заказ.

* * *

Зайдя в дом, Анна, переполненная эмоциями, некоторое время не могла сдвинуться с места. Она словно до сих пор чувствовала на своей талии горячую, сильную руку лучшего из мужчин. Ее ладошку, как маленький живой огонек, до сих пор согревал его поцелуй. А губы, прильнувшие к ее запястью, оставили незримую метку. Ага. Незримую метку «Здесь был Яр» – разозлилась она на себя. Хватит мечтать, Золушка. Этот мужчина занят. И добравшись до

кровати, она приняла положенную порцию пилюлек и уснула, предоставив жизни идти своим чередом.

* * *

Антон, развезя всех по домам, тихонько, чтоб никого не потревожить, пробрался в свою комнату. Намотавшись за день, думал, что заснет «без задних ног». Однако только голова коснулась подушки, как Морфей, уже начавший кружить вокруг него, помахал ручкой и упорхнул в форточку, оставив взамен образ Варвары. Ему было ужасно неловко, когда эта потрясающая девушка заметила его взгляд, направленный на грудь, от вида которой до сих пор перехватывает дыхание. Какая у нее талия! Гибкая, и это гибкость тигрицы, сильной, страстной, готовой в любой момент к броску и к ... чему?

Тут у Антона закружилась голова. Ни о чем таком мечтать он не имеет права. У него есть Дама Сердца, которую он поклялся любить вечно. Но.. а что было в его мечтах об Анне? Тихие объятия. Разговоры, совместный досуг. Семья. Дети. Но вот о процессе, предшествующем появлению детей он не думал. Да, было от чего Морфею упорхнуть...

Глава 11

Таблетки, конечно, вещь хорошая. Выпил, и боль проходит, и сон приходит. Однако над сновидениями они не властны. И те мысли, которые днем можно отогнать усилием воли, вытеснить каким-нибудь важным делом, ночью исподтишка вылезают во всей красе и показывают, кто в доме, точнее в голове, настоящий хозяин.

Вот и Анне после дня рождения всю ночь снился Ярослав Платоныч, с которым они кружились в танце посреди странного пустого зала. Складывалось впечатление, что они туда попали уже после какого-то бала или приема без приглашения и находиться им там непозволительно.

Ощущение незаконности ее не покидало, она со страхом осматривалась по сторонам, боясь, что кто-то войдет и начнет их стыдить.

Но даже это беспокойство не могло нарушить состояние счастья, переполнявшее ее. Сильная, уверенная рука Яра лежала у нее на талии, давая иллюзию защиты, в которой Анна так отчаянно нуждалась.

Музыка закончилась. Она вздохнула – блаженство не может длиться вечно. Но Ярослав Платоныч не отпускал ее. Его ладонь, будто прожигая страстью персиковый шелк платья, жарко погладила спину, пройдясь по гибкому позвоночнику, и остановилась между лопатками. Затем мужчина мягко, но уверенно притянул ее к себе, второй рукой захватив затылок. Пальцы его блуждали в распущенных волосах, словно пылко разговаривая с ними.

Анна замерла от никогда ранее не испытанного наслаждения. От переполнявшего ее счастья закрыла глаза. Губы пересохли, и она неосознанно облизнула их, вся подаваясь навстречу мужчине, влекомая магнитом его страсти.

Еще секунда и их губы сольются, познавая и упиваясь счастьем. Вдруг стукнула дверь, и Анна вздрогнула.

– Ярослав Платоныч! Что мы наделали! Ведь нас увидят! – испуганно воскликнула она.

– Анна Викторовна! Какое же вы еще дитя! Вот это точно вас должно беспокоить меньше всего, – грустно и нежно успокоил он и, как и тогда в больнице, прижал ее голову к своей груди. И поцелуй, готовый уже слететь с его губ, опустился на ее волосы.

Проснувшись утром, она чувствовала себя совершенно растерянной. Сон, такой четкий и предельно ясный, взбудоражил ее и так мятущую душу. Вчерашний танец в ресторане и танец во сне словно сплелись, и она не могла сделать различия –какой из них больше взволновал ее душу и разжег огонь в теле. И ей стало казаться, что они оба были реальны.

Вздыхнув, она пообещала себе больше не думать об этом мужчине и пошла умываться и готовить завтрак. Она обожала сидеть в беседке, сделанной еще при жизни родителей, пить чай, иногда кофе с бутербродами и в мечтах уноситься куда-то далеко.

Чмокнув в щечку бабулю, нечленораздельно из-за запихнутого в рот куска колбасы пробормотав что-то похожее на утреннее приветствие, она поставила завтрак на поднос и, утрированно изображая гейшу, засемила к двери.

– Вот егоза! – воскликнула Дарья Петровна, глядя вслед удаляющейся внучке. И уже про себя подумала, – Хоть бы дожить до того момента, когда она выйдет замуж. Неопытная ведь, доверчивая, без совета да пригляда попадет в беду. Окрутит какой-нибудь развратник, и что тогда? Она в красках представила Анну, брошенную, несчастную, и слезы невольно навернулись на глаза.

Старушка перекрестила спину своей любимицы и прошептала:

– Храни тебя Бог!

А Анна, выйдя за порог, залюбовалась утренним солнышком, цветущей зеленью и пришла к выводу, что жизнь прекрасна.

Потом взгляд ее упал на дорожку, и она замерла в восторге.

В конце разноцветной полоски из плиток белел сюрприз, и она точно знала, кто его сделал. Поставив поднос на крыльцо, она подбежала к калитке и вообще потеряла дар речи.

Рядом с привычным презентом от Пудика лежал скромный красный цветок. Такой же, как на клумбе возле администрации. Сердце ее учащенно забилось от волнения. Ну этого не может быть! Пудик не мог бы сорвать цветок! Хотя даже если и предположить, что ему это бы удалось, то судя по предыдущим подношениям, такая ботва в его глазах не представляет никакой ценности.

Неужели... Анна даже про себя не решалась озвучить версию, настолько она была невероятной. Но! Цветок лежит рядом с косточкой. Вряд ли песик ночью приходил не со своим хозяином. В том, что подарки были принесены ночью, она не сомневалась, потому что четко помнила – вечером, когда она вернулась из ресторана, на дорожке ничего не было.

Конечно, коньяк – не самый надежный контролер благопристойности, скорей наоборот. Но вообразить, что человек, приехавший с прокурорской проверкой из Москвы, влезает на клумбу и срывает цветок?! Нет, это просто нереально. Но факт – вещь упрямая!

И девушка, забыв про возможные покушения соседских котов на бутерброды, про безнадёжно остывающий чай, уселась на травку возле дорожки и залюбовалась этим неожиданным приветом. Не зная, что и думать, она списала этот джентльменский жест Ярослава Платоныча на воздействие коньяка. Очередной раз запретила себе мечтать о нем. И ...бережно поднесла этот цветок к губам и поцеловала. Будто возвращая Яру тот поцелуй из сна.

Глава 12

Вернувшись с ночной прогулки, Яр чувствовал какой-то невероятный душевный подъем. Как хорошо, когда можешь делать то, что хочется! Когда не нужно наступать себе на горло, ставить во главу угла кем-то, а то и самим собой выдуманные запреты. Что он сделал, чего нельзя было делать?!

Увлёкся молоденькой девочкой, замирая от счастья, сжимал ее в объятьях, когда она бросилась искать у него защиты от каких-то привидевшихся монстров, танцевал с ней, целовал ладошку и запястье. На прощание опять поцеловал руку. И вот сейчас (верх безумия!) понес косточку в качестве знака внимания.

Ярослав Платоныч! Вы в своем уме? Интересный вопрос! А что можно у кого –то занять и пользоваться чужим? Конечно, в своем, и счастлив, как никогда. Пусть никогда их пути больше не пересекутся, но воспоминания о том, что он был живым человеком, способным позволить себе слабости, всегда будут согревать его Душу. Да, вот в чем проблема. Он по определению не мог быть слабым.

Как бы ему хотелось стать опорой для Ани, такой внутри трепетной и нежной, прячущейся за обликом сорванца. Но есть как минимум три НО. Одно из них – клятва, данная самому. Клятва – не жениться никогда. Потому что...Он вспомнил события четырехлетней давности...

* * *

Рогозин позвонил в три часа дня.

– Ярик, будь другом, заедь ко мне в отдел после работы. Надо кое-что под выпить обсудить, – вопреки своему обычному балагурству, он был предельно серьезен, даже скорей озабочен.

Яр никогда не задавал лишних вопросов, и поэтому в семь часов вечера уже переступил порог рогозинского кабинета. Там его ждал по-спартански, без излишеств, накрытый стол – бутылка коньяка, лимон, сыр.

– Ну, здорово, братишка! – радушно воскликнул здоровяк Рогозин и заключил друга в свои медвежьи объятия. Однако видно было, что он делает хорошую мину при плохой игре, потому как в глазах его читались растерянность, смущение и огорчение.

– Не юли, – знавший друга, как свои пять пальцев, Звягин понял, что разговор какой-то неприятный предстоит. – Что случилось?

– Давай сначала выпьем, а потом и поговорим. В конце концов, когда мы с тобой виделись?

Арийская выдержка Звягина начинала сдавать позиции.

– Саня, давай наливай и рассказывай, не тяни kota за все подробности, – глухо сказал Яр, даже не представляя, что могло выбить из колеи Рогозина, здоровому пофигизму которого можно только позавидовать.

– Наливаю, рассказываю. Только пообещай, что без глупостей.

– Клянусь подругой матери! Выкладывай, – Звягин взялся за бутылку, налил в две рюмки. – Ну! – с нетерпением начал подгонять он друга.

– Выпьем!

Они выпили.

– Короче. Что б ты знал, и не было потом сюрприза.

«Всё хорошо, прекрасная маркиза,

Дела идут и жизнь легка.
Ни одного, печального сюрприза,
За исключением пустяка»

Всплывшая в памяти песенка с явно черным юмором однозначно резонировала с тем, чем Рогозин никак не мог разродиться.

– Ярик, твои заслуги перед Отечеством заслуживают самых высоких похвал. Но капля дегтя добавилась благодаря твоей супружнице. Из достоверных источников стало известно, что Жанна хлопотала за тебя с переводом и... отблагодарила. Ну, сам понимаешь, как...

После этих слов у Яра внезапно перехватило дыхание, стало невозможно дышать, будто вдохнул раскрошенную стекловату. Он поверил ему сразу, не столько потому, что они друзья, сколько потому, что всегда чувствовал, что в душе Жанны есть места, которые ему так и не открылись...

Яр побледнел и с такой силой поставил рюмку на стол, что та, решив, что в чем-то виновата, откинула ноги, то есть ножку. Попросту разбилась. Отрешенно посмотрев на нее, Звягин понял, что только что испортил изящного посредника между янтарным содержимым бутылки и желудком.

На автопилоте взяв пластиковый стакан из упаковки возле кулера, он наполнил его до краев потенциальным антидепрессантом и залпом выпил. Понимая, что поступает не по этикету, извинился. Но Рогозин готов был отказаться от участия в коньячном марафоне, лишь бы только друг справился с этим потрясением.

В том, что с Жанной они не ладили, еще не было ничего страшного. Звягин стоически переносил ее истерики, капризы. Но это была его женщина, которую он выбрал своим идеально выстроенным логичным умом. Он не понимал, что значит Любовь, страсть и считал, что в семье главное – уважение и подходящий по основным критериям партнер.

И Жанну он выбрал по этим же критериям. Миниатюрная, стройная, привлекательная, умная, ироничная – она радовала глаз, доставляла радость телу и удовлетворяла интеллектуальным запросам.

Но, как иногда любит шутить компьютер, что – то пошло не так. Звягин вперил взгляд в неопределенное пространство. Кулаком, со сжатыми добела костяшками пальцев, стукнул по столу и, вопреки своим правилам, произнес несколько дословно не переводимых на другие языки речевых оборотов. Вся его идеально сконструированная, стабильная система ценностей рушилась, грозя погresti под собой и его личные достоинства, и мужскую честь, и самоуважение. То, что он услышал, невозможно было никак осмыслить. Жанна. Его жена. Его Женщина.

Как пресловутый страус, он все время прятал голову в песок, отказываясь понимать, что что-то в их семье не ладится. Жанна была страстной, как кошка, заводила его, будоражила кровь. Но в то же время она не была другом, не разделяла его ценностей.

Когда он принес израненного Пудика, она закатила грандиозный скандал.

– Или я, или эта псина, – визжала Жанна. – Как ты мог, не спросив меня, притащить в дом эту заразу?

Яр совершенно тогда растерялся. Как маленький ребенок, он не понимал, за что его ругают. Матерый сыщик, не боявшийся спорить с высоким начальством и безжалостно снимавший три шкуры с подчиненных, сейчас Звягин стоял, как провинившийся школьник, и огорченно смотрел на жену.

– Жанна, а как я мог его бросить? Ты посмотри в его глаза! – пытался он по-доброму решить вопрос.

– Обыкновенные собачьи глаза! Отвези его немедленно в приют, – Жанна непримиримо скинула подбородок, давая понять, что ее позиция непоколебима.

– Он мне доверился, руку лизнул. Это будет предательством.

– А по отношению ко мне это будет не предательством?!

– Жанна, ну за ним ухаживать можно будет, гулять с ним, покупать ему что-то, – чуть ли не с мольбой посмотрел на нее Яр. – И тебе не скучно будет.

– Он что, мне ребенка заменит? – повисшая звенящая тишина однозначно дала понять бедному псу, что место его теперь на помойке. Затем Жанна безапелляционно резюмировала. – Ярослав, я уже сказала. Или я, или он.

Впервые Яр не смог ради семейного благополучия уступить разгневанной жене.

– Я выбираю тебя. И его. Буду с ним жить на даче, и приезжать к тебе. Он будет мне в работе помогать.

Работа была еще одним камнем преткновения. Зная, что он любит ее со всей грязью и опасностями, Жанна все равно продолжала пилить, постоянно напоминала о том, что она молодая и красивая женщина, которой катастрофически не хватает денег на достойную жизнь. Пробивая мужу дорогу в прокуратуру, она надеялась, что там ему будут давать взятки. Но в своих эгоистичных рассуждениях она совершенно забывала, что Яр на самом «теплом» местечке всегда будет неукоснительно следовать букве закона и никакой мзды ни при каких обстоятельствах брать не будет. Окруженный грязью, он, к удивлению окружающих, никогда в ней не пачкался.

И только потому, что ему надоели трения с руководством, вечная необходимость отстаивать свою позицию, он согласился говорить о переходе в прокуратуру. Там намного больше свободы. А упражнениями для мозга, как и опасностями его обеспечит Рогозин. И будет Яр своего рода Шерлоком Холмсом при Лейстредде. Такой расклад его устроил. Но какой ценой?!

Никогда не знавший, что такое головная боль, Звягин чувствовал, что какой-то раскаленный гвоздь вонзился в мозг и переворачивает, потрошит его, пытаясь выковырять оттуда ответы на вопросы. Вопросы, заданные классиками чуть ли не два века назад: «Кто виноват?» и «Что делать?»

Виноват, конечно, он сам. Самонадеянный, считавший себя адептом Логики и Рассудительности.

Со вторым вопросом было не все так просто.

Ничем, никаким поступком мужчину нельзя унижить, растоптать сильнее, чем изменой. Это как удар по дых, хотя нет, это скорей удар ниже пояса. Нет, все не то. Физическая боль не идет ни в какое сравнение с душевной, от которой не существует в мире таблетки. Он, живущий разумом и гордящийся этим, вдруг со всей остротой осознал, что не все подчиняется его строгим законам. Танго танцуют вдвоем. И как бы один ни старался, если партнер не чувствует его, они не станцуются.

Рогозин только сейчас заметил, что у друга белые кончики ресниц. Казалось, что проступающая на висках седина в этот момент переметнулась на них, притянувшись магнитом страдания, отраженным в глазах. Сан Саныч глубоко сопереживал другу, понимал, что сейчас произошла катастрофа.

Ведь для Звягина семья – это нерушимая крепость, это то, что должно быть обязательно. И если женился, то это навсегда. Пример его родителей наглядно показывал, что в семье все бывает: и ссоры, и примирения, поэтому Яр обычно со снисходительностью льва по отношению к лающей моське воспринимал истеричность жены, ее капризы. Он считал, что у любых супругов случаются размолвки, поэтому считал их побочным эффектом. И не понимал людей, которые разводились, искали себе какие-то нереальные отношения. Жена – это как визитная карточка – ухоженная, умная, а дома – с которой есть о чем поговорить, сексуальная. И теперь она была непоправимо испорчена. Ведь никому не покажешь визитку, на которой жирным фломастером написано матерное слово.

Чуть отойдя от шока, помолчав некоторое время, Яр, наконец, решил проверить, способен ли он еще связно выражать свои мысли, не используя язык строителей.

– Саня, что-то я не могу структурировать информацию. При решении любого вопроса главное – составить план, что за чем делать. А я не могу, – медленно, будто преодолевая себя,

произнес он. – Представь, я три месяца работаю там, и мы... – Звягин сглотнул предательский ком, от потрясения подступивший к горлу, – мы с Жанной все время были близки. Понимаешь, после чужого мужика она ласкала и целовала меня!

Звягин вздрогнул, будто ему залепили пощечину, и закрыл глаза, пытаясь отогнать мерзкую картину.

– А я все думаю, почему это на улице зима, а я ни разу не смог надеть шапку? Вот организм не обманешь ведь. Как еще в дверь прохожу?! – Яр словно выдавливал из себя слова, застревавшие в горле. – Что делать? И ладно бы никто не знал, а раз знаешь ты, то у нас наверняка уже на каждом углу обсудили. И я все это время хожу как ни в чем ни бывало! А за моей спиной все пальцем показывают. – Помолчав, он сделал какие-то вычисления в уме и уже равнодушным голосом попытожил. – Я не хочу жить.

И Яр поднял на друга взгляд, в котором уже не было ничего. Ничего, кроме леденящей душу пустоты. В глазах друга не было жизни.

Тяжело пережить личную драму. Но, когда она выставлена на весь белый свет, будто обнаженного человека выбросили в прямой эфир под тысячи слепящих равнодушных софитов и показывают на всю страну, это не каждому дано выдержать.

Рогозин, не знавший, что значит неразрешимая ситуация или безвыходное положение, сейчас остолбенел от страха. Почти звериное чутье подсказывало ему, что это сказано Яром не для красоты слова, не для позерства.

Образно говоря, мозг Звягина – это самый совершенный компьютер, в котором сейчас полетела вся операционная система. И друга нужно было спасать.

Влив в него весь коньяк, включая заначку, он позвонил нужным людям, попросил за свой счет неделю себе и Яру и погрузил его уже полубесчувственное тело в машину.

На лесной заимке они пили водку, пили коньяк, парились в бане, хлестали друг друга вениками, купались в проруби и разговаривали, разговаривали, разговаривали, пока Яр снова не обрел способность жить, работать и приносить пользу обществу.

Поэтому, когда случилось неизбежное, а именно подвернулся случай коллегам его унижить, он был абсолютно к этому готов.

Перед Новым годом им выделили путевку на двоих в Таиланд, а поскольку желающих и достойных было много, решили ее разыграть. И удача, позволявшая Звягину счастливо избежать пуль, снова ему улыбнулась.

– Ну ты, Ярослав Платоныч, и везунчик! Да оно и понятно, у тебя ж такая классная жена, которая осчастливит любого! – за простецким выражением лица скрывалась ядовитая ухмылка. Или такая жена, о которой мечтает каждый, или для всех доступная?! Федорчук считал, что сказанная двусмысленность была гениальна своей ненаказуемостью. И в то же время должна была ударить под дых этого высокомерного выскочки.

Присутствующие тут же забыли об упущенной возможности на халяву понежиться среди зимы на солнышке и, затаив дыхание, ждали развязки. Большая часть коллектива осуждающе посмотрела на наглеца. Но, как и везде, нашлись те, у кого Звягин вызывал зубовой скрежет. Его сдержанность они расценивали как высокомерие. Нежелание панибратствовать со всеми, обсуждать подковерные интриги – как презрение к окружающим. Поэтому сейчас, роняя слюни от восторга, нетерпеливо потирая потные ручки, ждали зрелища. Звягин, полюбому, был в патовой ситуации. Взорвется – значит, задело, промолчит – значит, проглотил и тогда можно будет потешиться еще.

Однако предугадать реакцию Яра не удалось никому.

Он что называется, и ухом не повел, лишь вскинул бровь и сказал совершенно безэмоционально, но предельно убедительно:

– Валерий Иванович, даже если тебе не хватает счастья, все равно лучше не завидуй, иначе в следующий раз, пренебрегая политесом, я тебя лично осчастливлю.

И каким образом он это делает, было понятно. Главное, что все поверили.

Глава 13

Последние три дня Звягин, никогда не знавший проблем со здоровьем, был серьезно обеспокоен. Ему снился один и тот же кошмар, и он просыпался от резкой боли в сердце.

Он выходит из здания полиции, намереваясь пообедать в кафе. Собирается перейти дорогу, как примерный пешеход, смотрит налево, смотрит направо и замирает. Даже не притормозив на перекрестке, неслась на скутере недавняя знакомая. Девушка со сказочной косой. Она посмотрела на Яра и по этой причине не заметила выбоину на дороге.

Сердце сжалось от острой боли и, похоже, забыло, как биться. Все это представлялось ему, как в замедленной съемке, ужас схватил за горло, но изменить что-то или предотвратить катастрофу он был не в силах.

Как наяву, Яр видел падающий скутер, видел, как девушку буквально вышвырнуло на обочину. Он хотел ринуться через дорогу, однако ноги были будто налиты свинцом. Он рвался на помощь, но ему приходилось преодолевать такое притяжение, словно он был не на Земле, а на Юпитере. Сердце просто выскакивало от напряжения – так невероятно тяжело ему давался каждый шаг. Наконец он добрался к ней.

Анна была без сознания – головой она ударилась о бордюр. Кровь вытекала из раны, окрашивая серую пыль в багряный цвет. Одной рукой выхватывая телефон и набирая номер «скорой», он опустился на колени и, леденея, стал нащупывать пульс на шее. Скорая не отвечала. Решив доставить Анну в больницу на первой попавшейся машине, он выскочил на дорогу. Но всегда достаточно оживленная улица была словно вымершей. В отчаянии он схватил ее на руки, но снова земное притяжение усилилось в разы, и он едва двигался, с ужасом осознавая, что Анна становится все бледнее и легче. Яр понимал, что, если не успеет доставить ее на скорую, она просто растает в его руках. И когда наступала кульминация кошмара – во сне от Анны уже оставалась лишь прозрачная тень, слабый контур, готовый каждую секунду исчезнуть, он просыпался с неистово колотящимся сердцем, чуть ли не каждый удар которого сопровождался болью, с холодным потом на лбу.

«Кардиограмму надо сделать, что ли...», – подумал он. Но кардиограмма оказалась не нужной, так как объяснение пришло в виде младшего лейтенанта Колоскова и оказалось гораздо хуже его кошмаров.

– Ярослав Платоныч! Разрешите обратиться, – Колосков не знал, как изложить свою просьбу этому гранитоподобному человеку, поэтому пауза оказалась больше, чем положено. Он покраснел, руки от переживания не знал куда деть. Первый порыв был – сунуть в карманы. Еле успел удержаться, иначе выглядел бы, как шпана из подворотни. Пауза затягивалась.

Антон готов был войти в клетку к голодным тиграм, только бы избежать этого разговора. Но кроме Звягина, помочь никто не мог. Внутренним чутьем понимая, что Ярослав Платоныч будет лично заинтересован в решении вопроса, и по этой же самой причине Антон предвидел, какие громы и молнии обрушатся на его голову. Уж лучше б кулаки и пинки. Но выбора у него не было. Во рту пересохло, язык напоминал наждачку, и молодому человеку казалось, что каждое сказанное слово будет до крови обдирать небо, десны. Но лучше б так и было, чтобы боль отвлекла его от этой пытки – невозможности высказаться ясно и четко.

Звягин вопросительно посмотрел на него. Его безмерно раздражали люди, которые не могут внятно выразить свои мысли и, следовательно, тратят попусту его драгоценное время.

– Понимаете, мне с такой просьбой больше не к кому обратиться, – от волнения он еще больше путался в мыслях, покрывался потом и близок к тому, чтоб позорно бежать. И только потому, что решался, по всей видимости, вопрос жизни и смерти, он продолжал обреченно вызывать огонь на себя. Он понимал, еще чуть-чуть, и Звягин взорвется, как плотно закрытый котел. И был недалек от истины.

Яр, сузив глаза, пытаясь удержать себя в рамках приличий, негромко, почти угрожающе, спросил:

– Молодой человек! Вы себе сейчас никого не напоминаете? «Сами мы не местные, помогите, люди добрые, кто чем может!» Так вы не на паперти! А я не сердобольный прихожанин! Что вам нужно?

Слова, сказанные тихим зловещим шепотом, возымели нужное воздействие на Колоскова. На него будто вылили ушат холодной воды, он выдохнул, и наконец, обрел дар речи.

– Ярослав Платоныч, я готов понести наказание, потому что совершил ужасающую, непростительную глупость, которая может иметь самые страшные последствия. Я рассказал Анне, – тут он слегка запнулся, – Анне Викторовне Громовой о двух жалобах, написанных в прокуратуру, потому что наш начальник оставил их без внимания. Это два аналогичных случая – два самоубийства девушек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.